

О ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОЛОДОГО САЛТЫКОВА

Статья и публикация Т. И. У с а к и н о й *

Вопрос о первых литературно-критических выступлениях Салтыкова имеет уже почти семидесятилетнюю историю.

Первый биограф писателя К. К. Арсеньев перечислил в своих «Материалах для биографии М. Е. Салтыкова» семь его рецензий 1840-х годов и процитировал отрывки из них по имевшимся в его руках автографам. Эти рецензии на следующие книги:

1. «Несколько слов о военном красноречии» П. Лебедева.
2. «Логика» Никифора Зубовского.
3. «География в эстампах» Ришона и Вингольда.
«Курс физической географии» Петровского.
4. «Руководство к первоначальному изучению всеобщей истории» Фолькера.
5. «Рассказы детям из древнего мира» Беккера.
6. «Григорий Александрович Потемкин». Историческая повесть Фурмана.
7. «Альманах для детей. <Архангельск... Зима>».

Не придавая, видимо, серьезного значения ранним литературно-критическим опытам Салтыкова, Арсеньев отыскал лишь три рецензии, помещенные в «Отечественных записках» («Рассказы детям из древнего мира» Беккера, «Логика» Н. Зубовского и «Григорий Александрович Потемкин» Фурмана), а в «Современнике» не нашел ни одной¹. Автографы, которыми располагал Арсеньев, были впоследствии утеряны.

С тех пор почти каждый исследователь жизни и творчества Салтыкова, характеризуя начало его литературной деятельности, указывал на неполноту наших знаний о Салтыкове — рецензенте «Отечественных записок» и «Современника» второй половины 1840-х годов, но, отметив этот факт, складывал оружие.

В 1941 г. в первый том Полного собрания сочинений Щедрина были включены названные Арсеньевым семь рецензий и сверх того четыре следующие рецензии, обнаруженные Е. М. Макаровой:

1. «Александр Васильевич Суворов-Рымникский». Историческая повесть для детей. Соч. П. Р. Фурмана.
2. «Первоначальный учитель». Книга для чтения и для практических упражнений в русском языке.
3. «Подарок детям на праздник».
4. «Альманах для детей. Астрахань... Весна».

Принадлежность четырех названных рецензий Салтыкову доказывается ссылками на них в бесспорно принадлежащих ему рецензиях, совпадением отдельных мест и выражений, общностью взглядов и идей с мыслями Салтыкова и проч.

---

* Публикуя результаты разысканий Т. И. Усакиной о первых литературно-критических выступлениях Салтыкова, редакция «Литературного наследства» считает, что вопрос о принадлежности писателю шести печатаемых ниже рецензий требует дальнейшего изучения — *Ред.*

Две из этих одиннадцати рецензий, вошедших в первый том Полного собрания сочинений Щедрина, были, по мнению С. А. Макашина, приписаны Салтыкову без достаточных оснований, так как рецензия на «Альманах для детей. Астрахань... Весна» помещена в июньской книжке «Отечественных записок» в отделе «Русская литература. Май», то есть уже после ареста Салтыкова. «Очевидно, он <Салтыков>», — заключает С. А. Макашин, — не мог быть автором этой рецензии, а значит и тесно связанного с ней отзыва на альманах „Архангельск... Зима“². Действительно, разбор альманаха «Астрахань... Весна» (ценз. разр. 16 декабря 1847 г.), вышедшего в свет 14 мая 1848 г.³, не мог принадлежать Салтыкову, арестованному в ночь с 21 на 22 апреля 1848 г. Однако содержание рецензии на альманах «Архангельск... Зима», напечатанной в январской книжке «Отечественных записок», позволяет, по нашему мнению, атрибутировать ее Салтыкову, а содержавшееся в июньской рецензии указание на принадлежность обеих статей одному автору расценивать как обычный редакционный прием.

Следует указать еще на попытку И. Т. Трофимова доказать, что Салтыков был автором рецензии на ту же книгу «Альманах для детей. Архангельск... Зима», напечатанной в другом журнале, в январской книжке «Современника» 1848 г. (отд. III, стр. 76) и принадлежащей, вероятно, Белинскому. И. Т. Трофимов строит свои предположения по существу всего лишь на том основании, что и в рецензии «Современника» и в повести Салтыкова «Противоречия» встречается словосочетание «великолепный спектакль»⁴. Недостаточность такой аргументации очевидна. Против утверждения И. Т. Трофимова свидетельствуют и другие соображения. Трудно допустить, чтобы Салтыков, обиженный на редакцию «Современника» за отрицательный отзыв Белинского о повести «Противоречия» (высказанный хотя и не в печати, а в частном письме) и за отказ Панаева поместить «Запутанное дело», решил бы возобновить сотрудничество в журнале заметкой в двадцать строк. Помимо этого, приписанная Трофимовым Салтыкову заметка очень близка по манере своей к предшествующим библиографическим заметкам, принадлежащим Белинскому.

В 1949 г. Б. В. Папковский в статье «Натуральная школа Белинского и Салтыков» предложил расширить список рецензий Салтыкова 1847—1848 гг., включив в него еще следующие рецензии:

1. «Робинзон Крузо». «История России и рассказы для детей» Ишимовой. «Альманах для девиц первого и второго возраста». «Мысли и заметки, посвященные юношеству». Соч. М. Корсини. «Разноцветные сцены» («Отеч. записки», 1847, № 1, отд. VI, стр. 58—62).

2. «Серый армяк, или Исполненное обещание» («Отеч. записки», 1847, № 2, отд. VI, стр. 116).

3. «Новая библиотека для воспитания» П. Редкина, вып. I—VI.

Но свое предположение Б. В. Папковский сопроводил очень слабой аргументацией, не позволившей ему сделать окончательный вывод о принадлежности Салтыкову перечисленных рецензий⁵.

Таким образом, число рецензий 1847—1848 гг., бесспорно принадлежащих Салтыкову, до настоящего времени ограничивалось теми одиннадцатью рецензиями, которые были включены в 1941 г. в первый том Полного собрания его сочинений (или даже девятью, если согласиться с сомнениями С. А. Макашина в отношении двух рецензий).

Неоднократные указания исследователей на то, что количество литературно-критических заметок Салтыкова, напечатанных им в конце 1840-х годов, было гораздо значительнее, оставались только гипотезами.

Предпринятые нами специальные разыскания в критико-библиографических отделах «Отечественных записок» и «Современника» 1847—1848 гг. подтвердили правильность предположений С. А. Макашина, Б. В. Папковского и других исследователей о более значительном, чем до сих пор было это известно, объеме рецензентской работы Салтыкова и позволили значительно расширить существующий в настоящее время список его первых литературно-критических опытов.

Основанием для наших разысканий послужили прежде всего некоторые указания самого Салтыкова, которые, несмотря на их скудость и противоречивость, содер-

жат и прямые и косвенные свидетельства об истинном размере его рецензентской работы во второй половине 1840-х годов. В автобиографической заметке 1858 г. Салтыков писал, что в «Отечественных записках» и «Современнике» 1847 и 1848 гг. ему принадлежат «несколько» рецензий (I, 79).

Воспоминания Л. Ф. Пантелеева помогают уточнить объем критической работы Салтыкова. «Рецензиями я зарабатывал до 50 рублей в месяц, в то время это были деньги», — говорил Салтыков Пантелееву⁶. Чтобы зарабатывать в то время столько мелкими библиографическими заметками, их нужно было печатать ежемесячно в количестве не менее одного листа, если считать на ассигнации, и не менее трех листов, если речь идет о счете на серебро.

В автобиографическом письме к С. А. Венгерову (1887 г.) Салтыков указывал, что по выходе из Лицея он «не написал ни одного стиха и начал заниматься писанием рецензий. Работу эту я доставал через Валериана Майкова и Владимира Милютину в „Отечественных записках“ Краевского и в „Современнике“ (Некрасова с 1847 г.)» (I, 84—85). Доставать работу через В. Н. Майкова Салтыков мог только до лета 1847 г., так как Майков, возглавивший библиографический отдел «Отечественных записок» после ухода Белинского, утонул 15 июля 1847 г. Все же известные до сих пор рецензии Салтыкова относятся ко второй половине 1847 г. или к первым месяцам 1848 г. Таким образом, указание Салтыкова, относящееся к Майкову, до последнего времени оставалось нераскрытым. А между тем оно дает возможность предполагать, что литературно-критическая деятельность Салтыкова началась в конце 1846 или в начале 1847 г. в «Отечественных записках».

О более ранней дате начала рецензентской работы Салтыкова свидетельствует и его заявление в письме в редакцию «Русской старины» (от 1 апреля 1887 г.): «...я начал писать гораздо ранее 1847 года; писал стихи и мелкие рецензии, но с какого именно времени — этого я и сам определить не могу, но вероятнее всего, около 1841 года» (XX, 286). Последняя, уточняющая дата относится, однако, к стихам, а не к рецензиям (все приведенные выше документальные свидетельства Салтыкова об объеме его рецензентской работы в 1840-х годах учтены и прокомментированы Е. М. Макаровой — I, 423, и С. А. Макашиным — Салтыков-Щедрин. Биография, т. I. Изд. 2. М., 1951, стр. 256—258).

Тот факт, что Салтыков начал заниматься рецензированием раньше осени 1847 г., подтверждает и ряд замечаний, содержащихся в известных его рецензиях. Обрушиваясь на приторную мораль детских повестей, Салтыков постоянно подчеркивал, что он «не в первый раз» выступает против «конфетно-нравственного направления» детской литературы, что пошлые правоучения, насчет которых так любят прохаживаться сочинители детских книжек, — «наши старые знакомые» (I, 336; см. об этом также I, 343, 349, 351, 352).

Принадлежность Салтыкову целого ряда анонимных рецензий была установлена нами в результате сопоставления критико-библиографического материала «Современника» и «Отечественных записок» 1847—1848 гг. с уже известными рецензиями и повестями Салтыкова 1840-х годов. При этом сфера сопоставления была ограничена рецензиями на детскую и учебную литературу, так как почти все рецензии, бесспорно принадлежащие молодому Салтыкову, посвящены разбору именно детских книг и учебников.

В большинстве случаев авторство Салтыкова устанавливалось нами на основании прямого совпадения излагаемых в исследуемых рецензиях взглядов на тогдашнюю воспитательно-педагогическую систему, детскую литературу, цель и задачи воспитания с суждениями Салтыкова, близкого сходства (иногда до тождества) языковых и стилистических особенностей с языком и стилем известных рецензий и ранних повестей Салтыкова, учета особенностей внешней и внутренней структуры рецензий и сопоставления их с особенностями первых литературно-критических опытов Салтыкова и целого ряда других признаков, своеобразие которых в каждом отдельном случае определено характером рецензии, порядком расположения библиографического материала в журнале и др.

* * *

Изучение критико-библиографического материала «Отечественных записок» за 1846—1848 гг. показало, что после ухода из журнала Белинского рецензированием детской и учебной литературы, выпускавшейся петербургскими издательствами, занимались Валерьян Майков, Салтыков и еще один рецензент, фамилии которого установить не удалось. Отличить писания этого «благонамеренного» педагога, рецензирующего петербургские издания, от смелых и остроумных статей Майкова и Салтыкова не представляет труда: все его заметки — это большей частью рассуждения по поводу «распорядительности нашего мудрого правительства, которое в постоянной заботливости своей об улучшении участи врученных попечением его подданных, лучше всего разрешает запутанный вопрос о народном воспитании» и т. п.⁷.

Рецензированием московских детских изданий (кроме «Новой библиотеки для воспитания» П. Г. Редкина) занимался в «Отечественных записках» 1846—1848 гг. какой-то четвертый автор, рецензии которого отличаются как от заметок неизвестного рецензента петербургских изданий, так и от разборов Майкова и Салтыкова: в них отсутствует топорная официально-патриотическая фразеология, которой уснащены разборы петербургских детских книг, но в этих отзывах не встретишь ни острых критических замечаний, ни ярких сравнений, ни запоминающихся характеристик, в них нет также того полемического пыла и той страстной убежденности в истинности своих идеалов, которые выделяют статьи и заметки Майкова и Салтыкова из остальной библиографической хроники «Отечественных записок»⁸.

Список статей и рецензий Майкова 1845—1847 гг., опубликованный в «Критических опытах» (1891; перепечатан в «Сочинениях В. Майкова», 1901, т. II), и сохранившиеся в архиве ИРЛИ автографы критика дают возможность установить ту часть рецензентской работы в области детской и учебной литературы, которую он взял на себя, возглавив в мае 1846 г. критико-библиографический отдел «Отечественных записок». В первые месяцы сотрудничества в журнале Майков рецензировал почти все детские издания и учебники. Но уже в январской книжке «Отечественных записок» 1847 г., как будет показано ниже, появляется первая рецензия Салтыкова, которому вскоре поручается рецензирование «Новой библиотеки для воспитания» П. Г. Редкина и некоторых других детских и учебных книг. Таким образом подтверждается позднейшее указание Салтыкова относительно того, что журнальную работу в 1840-х годах он доставал через Майкова. После смерти Майкова Салтыков становится основным рецензентом детской и учебной литературы в «Отечественных записках».

Замечание С. А. Макашина, отметившего, что ранние рецензии Салтыкова лишены «внешней яркости»⁹, справедливо, если иметь в виду сравнение их с позднейшими литературно-критическими выступлениями Щедрина. Но на общем фоне критико-библиографического отдела «Отечественных записок» 1847—1848 гг., особенно после смерти Майкова, рецензии Салтыкова резко выделялись мастерством литературной обработки, остротой постановки вопросов, полемической страстностью, постоянным стремлением в отзывах на пустые детские книжки провести (насколько это было возможно в подцензурной печати) передовые взгляды последователя Белинского и члена кружка Петрашевского. К ранним библиографическим заметкам Салтыкова отчасти применима его позднейшая характеристика особенностей литературно-критических статей и заметок 1840-х годов. «Тогдашние рецензии, — писал Салтыков, имея в виду в первую очередь рецензии Белинского, — были своего рода руководящие статьи, имевшие предметом не столько разбираемую книгу, сколько высказ по ее поводу совершенно самостоятельных мыслей. Краткость не была в числе достоинств этих статей, но зато в них всегда что-нибудь „проводилось“. Разумеется, очень часто (даже более, чем часто) проводимое благодаря бесчисленным покровам, под которыми оно скрывалось, было понятно только членам „кружка“, но — случайно — оно могло проникнуть и далее» (XIII, 397).

Наибольший интерес среди рецензий «Отечественных записок» 1847 — 1848 гг., принадлежащих, на наш взгляд, Салтыкову, представляют перепечатываемые ниже отзывы на: 1) «Робинзон Крузо» соч. Кампе и еще на пять других книг для детей;

2) на VII книжку «Новой библиотеки для воспитания, издаваемой Петром Редкиным»; 3) на «Путешествие вокруг света» Ф. Студитского; 4) на «Русские сказки для детей, рассказанные нянюшкою Авдотьей Степановною Черепьевою», изданные К. Авдеевой; 5) на сочинение Жозефины ле-Бассю «Благовоспитанное дитя» и 6) на брошюру «Несколько слов о чтении романов»¹⁰. Доказательства принадлежности этих рецензий Салтыкову составляют следующий раздел нашего сообщения.

* * *

То обстоятельство, что Салтыков в 1847—1848 гг. чаще всего рецензировал детские издания, не было простой случайностью: журнальной работе Салтыкова предшествовало изучение системы «гармонического воспитания» Фурье в кружке Петрашевского.

Из дневниковых записей и следственных показаний Петрашевского следует, что на раннем (самообразовательном) этапе существования «пятниц», когда их посещал Салтыков, особенно часто поднимался вопрос о педагогических взглядах французских социалистов. Среди вопросов, намеченных Петрашевским к изучению и обсуждению, мы находим тему «О свойствах человека, чтобы быть хорошим членом человечества (l'homme)», «О заведении или учреждении нового воспитательного учебного заведения, откуда бы выходили люди — людьми и граждане — гражданами»¹¹ и ряд других педагогических тем. «Всякому отцу, который желает, чтоб его дети не сделались нравственными уродами, — говорил Петрашевский, — я советую прочесть сочинение Considerant „Education attrayante“, dédié aux mères de familles (это 3-я часть его „Destinée sociale“)¹² и следовать этой методе воспитания. Результаты ее превзойдут ожидание. Этого сочинения прочесть достаточно, чтоб оставить тысячу предубеждений противу Фурье»¹³. По-видимому, Петрашевский поручал Салтыкову разработать один из вопросов о «гармоническом воспитании», так как известно, что Салтыков брал книгу Консидерана не только из библиотеки петрашевцев (или лично у Петрашевского), но и у В. Р. Зотова. В недатированной записке к Зотову (по-видимому, 1845—1846 гг.) Салтыков просил: «У вас имеется, кажется, почтеннейший Владимир Рафаилович, „Destinée sociale“ Консидерана. Если вы можете, то одолжите мне на неделю третью часть этого сочинения. Мне до зарезу нужно» (XVIII, 40—41). Конкретный повод, разъясняющий заключительные слова этой просьбы, в записке не указан. Вероятнее всего, он был связан с обсуждением концепции «гармонического воспитания» на «пятницах» Петрашевского. Таким образом, занятия в кружке определили на этот период интересы Салтыкова как рецензента именно детской и учебно-педагогической литературы, при оценке которой он мог высказаться наиболее осведомленно.

Однако было бы ошибочным полагать, что в рецензиях Салтыкова «проводились» только педагогические взгляды французских утопических социалистов. Конечно, теория «гармонического воспитания» оставила значительные следы в его первых литературно-критических опытах. В этой связи достаточно указать на исключительную близость некоторых формулировок в рецензиях Салтыкова к центральным тезисам Фурье, которые легли в основу третьей части «Destinée sociale». Определяя основную задачу воспитателя и критикуя «воспитание цивилизованных», Фурье писал: «...следует с колыбели развивать в ребенке естественные наклонности, которые семейное воспитание старается подавить или извратить даже у грудного ребенка (<...> Отец старается передать ребенку свои наклонности, заглушить порыв природных призваний, почти всегда различных у отца и сына»¹⁴. Сравним с этим у Салтыкова: «Понастоящему следовало бы изучить натуру ребенка, подстеречь его наклонности при самом его рождении, не навязывать ему такой науки, которая или антипатична, или не по летам ему, — но нет! Не тут-то было! На что же и существуют возлюбленные родители? В их уме уже заранее начертаны все занятия, все судьбы будущего ребенка их; на то он и рождение их, их собственное рождение, чтобы они могли располагать им по произволу; и уж как ни бейся бедный ребенок, а не выйти ему никогда из этого волшебного круга!» (I, 338). Несомненно также, что Салтыкова, испытывавшего на

собственном опыте все недостатки того воспитания, которое Фурье не без иронии именывал «цивилизованным», не могла не привлечь разоблачительно-критическая часть сочинений Фурье и его последователей. В рецензиях Салтыкова 1840-х годов можно обнаружить воздействие, например, положений Фурье о резком противоречии с природой принятого воспитания, не отвечающего здравому смыслу вследствие путаницы методов и двойственности действия (ср. I, 337—338, 351). Фурье считает, что «наши науки достигли совершенства лишь в смысле практической неприменимости и глупости» (ср. I, 338—339, 348—349), а в образовании видит подмену естественных склонностей доктринами¹⁵ (ср. I, 343). Но взяв у Фурье эти «общие неумирающие положения», Салтыков отбросил его религиозную мистику, деление детей по склонности к «грязи» или «утонченному изяществу» на «банды» и «орды», обширные рассуждения о «весталате» и «демуазелате», «опере» и «кухне», словом, все, что касалось «преимуществ воспитания в фаланстере». Подобные фантастические построения тем меньше привлекали Салтыкова, чем решительнее обращался он от теорий утопических социалистов к задачам и потребностям русской действительности. Крупнейшая роль в этом повороте Салтыкова (1847—1848 гг.) от утопического социализма к насущным вопросам русской жизни принадлежала Белинскому: «С иной, более обширной кафедры,— писал Салтыков в «Сатирах в прозе», вспоминая о «золотых временах» «юности» и обращаясь к своему поколению,— лилось к вам полное страсти слово Белинского, волнуя и утешая вас, и наполняя сердца ваши скорбью и негодованием, и вместе с тем указывая цель для ваших стремлений» (III, 210). Усвоив ведущие положения литературно-теоретической программы Белинского, Салтыков не мог не стать последователем великого критика и в области вопросов воспитания, ибо педагогические воззрения Белинского были неразрывно связаны с его литературными, философскими и общественно-политическими взглядами, определялись ими, вытекали из них, служили одной цели — борьбе за переустройство самодержавно-крепостнического общества. Сравнительный анализ статей Белинского, в которых отразились его педагогические взгляды, и известных рецензий Салтыкова на детскую и учебную литературу показывает, что педагогическая мысль молодого писателя развивалась в том направлении, которое указал ей Белинский.

Подчеркивая вслед за Белинским, что России нужны не «пустые мечтатели», но «люди действия», Салтыков считал главной задачей воспитания развитие у ребенка реалистического отношения к действительности, настаивал на усилении физического воспитания детей, ознакомлении их прежде всего с близкими и понятными предметами окружающего мира. «Весь организм ребенка,— писал он в рецензии на «Первоначальный учитель»,— обращен к феноменам мира чисто физического,— почему? потому что феномены эти по простоте и независимости одни только и доступны его пылливому уму...» (I, 351). Салтыков предостерегал избегать до поры всякого «спекулятивного элемента» в воспитании, то есть отвлеченных понятий: «Если вы будете толковать ребенку о свойстве души, когда он не знает ни на волос о свойствах предмета более ему близкого — о свойствах его брэнного маленького тела, естественно, что философия покажется ему пугалом, на которое он будет смотреть не иначе, как со страхом и отвращением» (I, 343).

С этих позиций Салтыков подвергал резкой критике тогдашнюю воспитательно-педагогическую систему, определяя ее как «систему постепенного ошеломления». С самых ранних лет,— настойчиво подчеркивал Салтыков,— семья и школа начинают калечить детей и в умственном и в нравственном отношениях. В существующем воспитании,— говорил он,— нет даже и намека на систему и логику, оно сводится к оглушению ребенка, зубрежке, засорению его памяти заученными, но не связанными фактами и сведениями, составленными обычно с «изумительной сухостью». «Диво ли, что после такого ежедневного бичевания человек делается неспособным к принятию самой простой истины, как скоро только она переходит за пределы мертвой буквы» (I, 338—339). Следствием такого воспитания являются люди, совершенно не способные к практической деятельности: «И потому юноши, в которых эта система постепенного ошеломления не совсем еще потушила энергию пылливости духа, обыкновенно, по выходе из школы, начинают сами сызнова свое образование, но и тут, лишенные помощи

живого слова, в борьбе с беспрестанно возрастающими недоразумениями, большей частью падают под бременем своего тяжелого перевоспитания» (I, 338). Эти горькие выводы о судьбе русского юношества были, разумеется, не только следствием воздействия статей Белинского или влияния критической части «*Destinée sociale*», — они были прежде всего одним из итогов печальных раздумий Салтыкова над той школой воспитания, через которую он недавно прошел сам.

Эти взгляды Салтыкова на вопросы воспитания и определяли его оценку детской и учебной литературы, которая в большей своей части была в то время предметом спекуляции безграмотных дельцов за счет легкомыслия или невежества воспитателей. Предметом неустанных нападков Салтыкова была та копеечная барышническая мораль, которой составители детских книг усердно сдобривали свою литературную стряпню, проповедуя, как выгодно быть хорошим и как часто добродетель вознаграждается звонкой монетой.

Мораль «приторных детских повестей», — писал Салтыков, — «может быть вполне выражена в следующих немногих словах: быть добрым никогда не мешает, потому что это дает человеку возможность спекулировать на услугу во сто раз большую со стороны облагодетельствованного субъекта» (I, 336. Об отношении Салтыкова к «конфектно-нравственному» направлению в детской литературе см. также I, 343, 349, 351, 352).

Не менее резкую критику, чем «нравственные повести», вызывали у Салтыкова мечтательно-фантастические элементы в литературе для детей: «Ум их <детей>, по природе наклонный к чудесному, на нем одном только и останавливается с охотой и все сверхъестественное принимает за наличную монету <...>. Отсюда наклонность к мечтательности, которую надобно бы сдерживать в благоразумных границах, приобретает, напротив того, самые гигантские размеры, и ребенок, сделавшись со временем мужем, является человеком неспособным заниматься интересами близкими и действительными и целый век блуждает мыслью в мечтательных мирах, созданных его больною фантазией» (I, 356). Это скептическое отношение к фантастическому и чудесному, несомненно, было связано у Салтыкова, как несколько раньше у Белинского, с той полосой его жизни (1847—1848 гг.), когда от увлечения утопическим социализмом он переходил к борьбе против его мечтательно-фантастических сторон, уводящих человека от насущных вопросов современности.

Гневно протестуя против воспитания, «более наклонного к пустой мечтательности, нежели к трезвому взгляду на жизнь», Салтыков определял ценность рецензируемых книг прежде всего их практической полезностью для воспитания людей, знающих жизнь и способных «к действию». Этот утилитарный подход сказался не только в салтыковских рецензиях на «Первоначального учителя» или «Географию в эстампах», но и в его оценках Гомера и Плутарха. Так о последнем он писал, что «чтение биографии Плутарха может принести пользу ребенку: там всякое слово — истина, каждая черта взята из действительности, так что ребенок, читая плутарховых знаменитых людей, свыкается с жизнью и не только получает совершенно верные и здравые понятия о различных эпохах и странах древнего мира, но и для себя собственно извлекает весьма важный практический результат от этого чтения» (I, 342; см. также: 335, 349, 350, 353).

Таковы, в основном, взгляды Салтыкова на задачи воспитания и детскую литературу, отразившиеся в его первых литературно-критических заметках, вошедших в I-й том Полного собрания его сочинений.

В январской книжке «Отечественных записок» 1847 г. (отд. VI, стр. 58—62) резко выделяется на фоне остального библиографического материала сводная рецензия на детские книги:

«Робинзон Крузо». Роман для детей. Сочинение Кампе. Перевод с немецкого В. Межевича. Издание второе. В двух частях. СПб., 1846.

«История России в ра сказах для детей». Сочинение Александры Ишимовой. Изд. 3, исправленное и дополненное. В 3-х частях. СПб., 1847.

«Альманах для девиц первого и второго возраста». Переделан с французского Л. В-им. СПб., 1847.

«Мысли и повести, посвященные юношеству». Сочинение М. Корсини. СПб., 1846.

«Русская азбука для детей, составленная С.». СПб., 1846.

«Детская корзиночка. Разноцветные сцены (?!). Из жизни милых малюток». СПб., 1847.

Рецензия эта, на принадлежность которой Салтыкову указывал до нас Б. В. Папковский¹⁶, привлекает внимание богатством содержания; живостью и непринужденностью изложения, изобличающими в авторе человека передового и литературно одаренного. Причем все основные положения этого разбора представляют собой такие близкие параллели к рассмотренному выше, что не остается сомнений в принадлежности их одному автору.

Начнем с главного — с определения в изучаемой рецензии основной задачи воспитания: «Развить способности, приучить ум действовать быстро, ловко, свободно — вот единственная цель воспитания». Разбирая «Руководство к первоначальному изучению всеобщей истории» и «Первоначальный учитель», Салтыков пропагандировал эту же мысль, восходящую к тем «общим неумирающим положениям» третьего раздела «Нового промышленного и общественного мира» Фурье («Гармоническое воспитание»), с которым писатель познакомился в кружке Петрашевского: «Всякий наставник, — указывал Салтыков, — должен иметь в виду раскрытие способностей ребенка с целью полного и гармонического их развития посредством воспитания» (I, 350; об этом же см. I, 338).

Критикуя чрезмерную широту и схоластический характер школьной науки, рецензент «Робинзона Крузо» восклицал, обращаясь к жертвам «системы постепенного ошеломления»: «Милые дети, жалкие дети! <...> Вместо того, чтобы *пособить* вам жить и развиваться собственною жизнью, из вас хотят сделать что-нибудь по вкусу известного взрослого человека, приправить, нафаршировать, как жареного рябчика. Природа ваша противится этому обезличению». Приведенная выдержка и по форме, и по содержанию представляет собой суждение, типичное для всех рецензий Салтыкова, где ставится вопрос о характере умственного воспитания: «Странная, право, участь детей! — писал Салтыков через несколько месяцев, как бы продолжая разговор, начатый в разборе «Робинзона Крузо». — Чему ни учат их, каких методов ни употребляют при преподавании?» «В пылу своего варварского прозелитизма, — говорил Салтыков в другом месте, — они <воспитатели> во что бы то ни стало хотят вдолбить ребенку несвойственную его возрасту науку...». «Бедную память ребенка истязают, загромождают кучею ненужных чисел, сонмищамя безразличных, мелочных, никуда не ведущих и ничего не объясняющих фактов» (I, 337, 343, 338; об этом же см. — I, 339, 348, 349).

Подчеркивая пагубность оторванного от жизни воспитания, которое неизбежно требует перестройки в зрелом возрасте, автор рецензии на «Робинзона Крузо» писал, что «самое лучшее *внушенное*, т. е. заученное, но несознанное нравственное правило становится сущим злом для человека, когда ум его начнет работать свободно и потребует отчета в каждом слове, в каждом движении души. А такая пора, такой внутренний *декартовский период* был у каждого из нас и бывает рано или поздно в жизни каждого человека <...>»¹⁷. Выходит победителем только тот, чей ум заранее был подготовлен к этой битве строго-логическим воспитанием, приучен видеть вещи так, как они суть». О тяжелой участи русского юношества, вынужденного при первом столкновении с действительностью вступать в борьбу с «внушенным» в детстве образом мыслей, Салтыков говорил и в отзыве на «Руководство к первоначальному изучению всеобщей истории», в выражениях очень близких к приведенной формулировке (ср. I, 337—338, цит. выше), и в рецензии на «Первоначальный учитель» (I, 352), и в разборе «Логик» Н. Зубовского, где утверждал, что «правильное, здоровое мышление вырабатывается в человеке непомерно долго и стоит невероятных усилий, упорной, настойчивой борьбы» (I, 340). О последствиях «отвлеченного от жизни воспитания» Салтыков писал не только как рецензент детской литературы, — это одна из центральных тем его повестей 1840-х годов.

Характерна для Салтыкова и самая оценка «Робинзона Крузо» как книги, чрезвычайно полезной для ознакомления ребенка с миром «чисто физическим». Ср. в ре-

цензии Салтыкова на книгу «Первоначальный учитель»: «Весь организм ребенка обращен к феноменам мира чисто физического,— почему? потому что феномены эти по простоте и независимости одни только и доступны его пытливому уму, потому что никто не может читать, не выучившись наперед азбуке, никто не может бегать, не научившись наперед твердо стоять и ходить по земле» (I, 351). Роман «Робинзон Крузо» хорош тем,— говорил анонимный рецензент,— что «ребенок, читая его (...) открывает как бы новый мир вокруг себя». «Великая польза» художественного произведения,— писал Салтыков, оценивая «Рассказы детям из древнего мира» Ф. Беккера,— в том, что оно «открывает ему (ребенку) новый, необъятный мир» (I, 353).

«Эфемерность *правоучительных* детских книжек,— отмечал рецензент «Робинзона Крузо»,— ясно доказывает, что тайна этой живучести (имеется в виду роман «Робинзон Крузо») заключается не в моральных лоскутках, вклеенных в вековой книжке без всякой необходимости и часто совсем некстати. Напротив, при каждой новой переделке „Робинзона“ он более и более очищается от этих лоскутков. Мы даже думаем, что, отбросив их совершенно, он сделался бы еще привлекательнее, еще полезнее...». В этом объяснении отчетливо слышится голос Салтыкова, систематически дискредитировавшего во всех своих рецензиях 1840-х годов то «конфетно-моральное направление» в детской литературе, которое «душило юное поколение», воспитывало в нем «сухую, безжизненную мораль» (см. I, 336, 343, 349, 351, 352).

Нравственность, подчиненная предвзятым правилам, оторванная от жизни,— постоянно подчеркивал Салтыков,— нравственность фарисейская: «Какая же разница между нравственною целью и моралью?»— спрашивал он, критикуя «Первоначальный учитель».— Мы полагали, что это одно и то же; мы именно думали, что и то и другое состоит в желании навязать кому бы то ни было — ребенку или взрослому человеку — известную, раз навсегда придуманную мерку действий для всех случаев его жизни» (I, 350—351).

«Научить человека, произвести в нем нравственный переворот,— писал Салтыков в отзыве на «Логiku» Зубовского,— может только долгая жизнь, долгий, часто тяжелою ценою приобретаемый опыт» (I, 340). Та же мысль развивается и в рецензии на «Робинзона Крузо», причем самая мотивировка бесполезности нравственных догм, самый ход мысли, наконец, самое изложение ее настолько близки к приведенным суждениям Салтыкова, что принадлежность и тех и других одному автору не вызывает, на наш взгляд, никаких сомнений. Разъясняя причину «эфемерности правоучительных детских книжек», рецензент «Робинзона» убеждает читателя, что «ребенок, как бы остер и понятив ни был, не может усвоить себе нравственного правила до тех пор, пока не разгадает собственным опытом многосложного устройства той общественной жизни, в которой понадобятся ему эти правила».

О принадлежности разбора «Робинзона Крузо» Салтыкову говорит и язык этой рецензии, которому свойственны многие особенности ранних литературных опытов Салтыкова: частые обращения, восклицания, риторические вопросы, анафоры, обилие и разнообразие синонимии, уточнения с помощью слов «именно» и «буквально», постпозитивный член «то» и др.

Наконец, перо Салтыкова можно угадать и по ярким насмешливым характеристикам, отличающим его рецензии от заметок других рецензентов детской и учебно-педагогической литературы в «Отечественных записках» рассматриваемого времени. Например, «„Альманах для девиц“ имеет одно неотъемлемое достоинство: характер безотчетной чепухи выдержан в нем с заглавного листка до последней страницы», «что же касается до „Детской корзиночки“, то единственная особенность ее состоит в заглавии».

Все изложенные здесь соображения относительно рецензии на «Робинзона Крузо» позволяют с уверенностью заключить, что автором ее был Салтыков.

В первой книжке «Отечественных записок» 1848 г. (отд. VI, стр. 42—52) Салтыкову принадлежит, на наш взгляд, еще четыре рецензии, помимо двух названных Арсеньевым («Григорий Александрович Потемкин» П. Фурмана и «Альманах для детей»). Пять из этих шести рецензий следуют одна за другой, а отзыв на альманах отделен от разбора книги ле-Бассю небольшой заметкой о «Домашнем театре» (СПб.,

1848, стр. 50—51), которая, по-видимому, также принадлежит автору всей этой группы рецензий. Вот эти шесть рецензий на книги:

«Путешествие вокруг света. Южная Америка и Антильские острова». СПб., 1848.

«Русские сказки для детей, рассказанные нянюшкою Авдотьей Степановною Черепевою, изданные К. Авдеевой». Изд. 2. СПб., 1848.

«Собеседник молодых людей». Повести и рассказы, переведенные с французского А. Ивановым. СПб., 1848.

«Григорий Александрович Потемкин». Историческая повесть для детей. Соч. П. Фурмана. СПб., 1848.

«Благовоспитанное дитя, или Как должно вести себя». Соч. Жозефины ле-Бассю. С французского. Изд. 2. СПб., 1847.

«Альманах для детей — Архангельск, собранный (?) из статей в стихах и прозе разных А(а)второв. С 14-ю иллюминированными картинками: П(п)ортретами российских государей, гербами Архангельска и уездов его, памятником Ломоносова в Архангельске. Детский праздник „Елка“, езда на оленях и с карточкою Архангельской губернии. Детская карманная библиотека. Зима». СПб., 1848.

В первой (по расположению) рецензии на «Путешествие вокруг света» содержится намек автора, что ему же принадлежат и остальные пять рецензий:

«Наконец, перед наступлением праздников и столь возделенной для книгоделателей елки посыпались со всех сторон так называемые детские книжки¹⁸ — большие и маленькие, с картинками и без картинок, с простыми и затейливыми названиями, „карманные“, т. е. с исключительными претензиями на ваш карман, и без этих неделкатных претензий... Приступаем к отчету о них»¹⁹. В этой характеристике названы особенности (с внешней стороны) всех шести книжек, разобранных далее: 1) некоторые из них — «Путешествие вокруг света», «Сказки для детей», «Собеседник молодых людей», «Потемкин», «Альманах для детей» — названы «маленькими» по формату, так как напечатаны в 12-ю д. л., а «Альманах» даже в 16-ю д. л. Определение «большие» может касаться только сочинения ле-Бассю, изданного в 8-ю д. л. 2) «С картинками и без картинок» — пять книг с картинками, и без них — только «Благовоспитанное дитя». 3) Определение «затейливый» больше всего подходит к названию «Альманаха для детей»: оно занимает почти полстраницы журнального текста. 4) «Альманах для детей» снабжен подзаголовком «Детская карманная библиотека». Все эти детали являются дополнительным подтверждением, что все шесть книг рецензировал один автор. Так как две из шести перечисленных выше рецензий, по указанию Арсеньева, бесспорно принадлежат Салтыкову, то, следовательно, он же автор всей этой группы анонимных рецензий.

Кроме того, сам текст рецензий содержит данные, свидетельствующие об авторстве Салтыкова.

Особенности языка рассматриваемых рецензий, насмешливая манера повествования, многочисленные восклицания, вопросы, обращения, — характерны для ранних произведений Салтыкова. Высмеивая «исполненную праздных сентенций или голословных фактов» науку, рецензент «Путешествия вокруг света» также писал о скуке преподавания, о боязни педагогов, что «наука перестанет быть наукою и сделается простым, неважным занятием, почти игрою» (см. аналогичные строки в рецензии на «Первоначальный учитель» — I, 348).

Рецензия на «Русские сказки для детей» — яркий образец библиографических разборов Салтыкова 1840-х годов. «Сказки» — только «повод» для высказывания «совершенно самостоятельных мыслей» о пагубности существующей воспитательно-педагогической системы, мучительности перестройки в зрелом возрасте и др. Жажда дела, отвращение к романтической «мечтательности мысли», к жизненной беспомощности слышатся в каждой фразе этой рецензии. Нам уже несколько раз приходилось отмечать, что Салтыков требовал совершенно устранить из детской литературы все сказочное, чудесное, уводящее от «практического понимания действительности». Та же мысль содержится и в рецензии на «Русские сказки», автор которой утверждает: «Решить положительно, что нелепые вымыслы, несообразные с законами действительной жизни, произведения досуговой фантазии полезны или вредны для всевосприимчивой го-

ловы ребенка — невозможно». Отрицательная оценка сказочного элемента в рецензии на «Русские сказки» совпадает с аналогичной характеристикой фантастики в разборе «Рассказов детям из древнего мира», принадлежность которого Салтыкову установлена Арсеньевым документально.

Вот соответствующие сопоставления:

«Русские сказки для детей». — «Отечественные записки», 1848, № 1, отд. VI, стр. 44.

«Воспитатели» рассказывали своим детям те же *сказки*, на которых сами были вскормлены... Да, именно *сказки*, потому что в них притон предрассудков самых закоренелых и вместе самых благовидных, самых вкрадчивых — по наружности; потому что ребенок не способен различать сказочного мира от действительности; потому, наконец, что сказки сделались обычаем, необходимостью, веками освященным обрядом в воспитании, и пестун, рассказывая ребенку сказку, не думает о том, какое заключение выведет для себя из «Приключений Петушка — золотого гребешка» ловкий софист-слушатель, как отзовется ему впоследствии это убаюкивающее наркотическое средство...

«Рассказы детям из древнего мира» К. Ф. Беккера. — «Отечественные записки», 1848, № 4, отд. VI, стр. 95 (I, 356).

«Ребенок» все сверхъестественное принимает за наличную монету, так что из всей поэмы Гомера, может быть, оно одно только и привлечет ребенка. Отсюда склонность к мечтательности, которую надобно бы сдерживать в благоразумных границах, приобретает, напротив того, самые гигантские размеры, и ребенок, сделавшись со временем мужем, является человеком неспособным заниматься интересами близкими и действительными и целый век блуждает мыслью в мечтательных мирах, созданных его большою фантазией. Да не обвиняют нас в преувеличении: обстоятельство, о котором мы говорим, так тонко, так незаметно, что его не увидишь сразу; оно издали и втихомолку подкрадывается и сосет все существование ребенка, но тем сильнее будут его последствия!

Хорошо известно, что рецензии Салтыкова 1840-х годов были тесно связаны с его первыми художественными произведениями. Такая идейная связь устанавливается и при сопоставлении рецензии на «Русские сказки» с повестью Салтыкова «Противоречия» (1847). Разъясняя причины несчастий главного героя этой повести (Нагибина), Салтыков указывал прежде всего на «воспитание, более склонное к пустой мечтательности, нежели к трезвому взгляду на жизнь». «Такое воспитание совершенно губит нас; истощенный беспрестанным умственным развратом, человек уже теряет смелость взглянуть в глаза действительности, не имеет довольно энергии, чтоб обнажить сокровенные пружины и объяснить себе кажущиеся противоречия ее» «...мне, — говорил Нагибин, — не дано практического понимания действительности <...> ум мой воспитали мечтаниями, не дали ему окрепнуть, отрезвиться и пустили наудачу по столбовой дорожке жизни! И естественно, что всякий шаг был для меня камнем преткновения, что я ничего не понял в действительности...» (I, 91, 195). Эта же мысль о трагедии разрыва между жизнью и разумом, между теорией и практикой пронизывает рецензию на «Русские сказки». Получив фантастические представления о жизни, — говорится в ней, — человек вынужден потом весь век бороться «с самим собою, с своим прошедшим, с своим в детстве *внушенным* образом мыслей, — эта страшная, болезненная драма, мешающая человеку жить положительной жизнью, делается тем страшнее и болезненнее, чем лучше, чем сознательнее человек...». «Но, попав раз в житейское море, надо работать, по крайней мере барахтаться, чтоб не утонуть, и потому всего переделать некогда, переродиться нельзя, вознаградить упущенное тоже невозможно. Начинаются перестройки *домашними средствами*: кое-что, кое-как и кое-где...».

К этому раздумью о судьбах русской молодежи очень близки (не только идейно, но и текстуально) некоторые положения уже известных рецензий Салтыкова. Так,

в разборе «Руководства» Фолькера Салтыков писал, что человек, сошедший со школьной скамьи, «при первом столкновении с действительностью оказывается совершенно несостоятельным, при первом несчастии упадает духом <...> юноши, в которых эта система постепенного ошеломления не совсем еще потушила энергию пытливого духа, обыкновенно, по выходе из школы, начинают сами сызнова свое образование, но <...> большей частью падают под бременем своего тяжелого перевоспитания» (I, 337—338; ср. также — I, 352, 340).

Языковые и стилистические особенности рецензии на «Русские сказки» типичны для ранних произведений Салтыкова.

Прежде всего в этой связи следует указать на специфическую для Салтыкова манеру аллегорического изложения. Рецензия на «Русские сказки» представляет собой в сущности развернутую аллгорию, обличаясь в этом смысле с только что законченной Салтыковым повестью «Запутанное дело», наполненной множеством «полутайнственных намеков», которые инкриминировались Салтыкову III Отделением. Очевидно поэтому статья о «Русских сказках» привлекла особое внимание Петербургского цензурного комитета, так как за рассуждениями о детских сказках явно ощущался второй смысловой аспект: обличение не только системы воспитания, но всей крепостнической идеологии вообще²⁰. «...После *декартовской* переделки, — подчеркивал рецензент «Русских сказок», намекая на зависимость духовного развития от общественного строя, — голова человека и получает фасад того построенного при Екатерине помещичьего дома, к которому разные наследники пристроивали с различных сторон разные клетки и комнаты — *по усмотрению*...» Этот многозначительный намек (с чисто салтыковским словечком: «по усмотрению», ср. аналогичное употребление его при характеристике Брусина) очень близок к аллегорическим изложениям антикрепостнического характера в рецензиях на «Логикку», «Рассказы детям из древнего мира» и повестях.

Помимо этого, на авторство Салтыкова указывает также и ряд чисто внешних языковых особенностей рецензии:

1) Обилие и разнообразие синонимии и частое употребление анафор: «начинаются перестройки домашними средствами: кое-что, кое-как и кое-где», «горе тому, кто не дожидется ее развязки, кто не вынесет этой борьбы до конца, кто не подведет...», «предрассудки самые благовидные, самые вкрадчивые». Ср. в «Запутанном деле»: «в сотый раз не узнал своей шинели, <...>, в сотый раз держал ее у себя в руках, в сотый раз оглядывал» и др. В рецензиях: «оно так радо, так радо» и т. п.

2) Уточнение с помощью слова «именно» — характерный признак языка первых повестей и статей Салтыкова. В разбираемой рецензии: «второе, именно второе издание», «да, именно сказки» и т. п.

3) Пристрастие рецензента к уменьшительным суффиксам («частехонько», «пдейки» и др.) — особенность ранних произведений Салтыкова.

Все эти соображения дают возможность заключить, что «Русские сказки» рецензировал Салтыков.

Отзыв на «Собеседник молодых людей» логически связан с разбором повести Фурмана «Григорий Александрович Потемкин», принадлежащим, по свидетельству Арсеньева, Салтыкову. Рецензия на «Собеседник...» кончается вопросом: «И почему непременно переводить повести? — есть биографии, есть путешествия...» («Отеч. записки», 1848, № 1, отд. VI, стр. 45). Обсуждение поставленного вопроса продолжается с первых строк рецензии на повесть Фурмана: «Не знаем, решительно не знаем, полезно ли детям чтение повестей <...> Нам кажется, что с детьми особенно опасно шутить — а из всех шуток чтение повестей едва ли не самая негодная для ребенка. Мы можем представить себе, например, что чтение биографий Плутарха может принести пользу ребенку...» (I, 342).

За «Собеседником молодых людей» следует рецензия на сочинение Жозефины ле-Бассю «Благовоспитанное дитя». Рецензия эта связана и с отзывом на «Русские сказки» и с разбором повести «Григорий Александрович Потемкин» П. Фурмана, помещенным непосредственно перед ней и принадлежащим Салтыкову, по свидетельству Арсеньева. Критикуя историческую повесть Фурмана, Салтыков изложил свой

взгляд на естественные закономерности воспитательно-педагогического процесса, подчеркивая, что «если некоторые знания неудобны для детей и несогласны с складом их ума, то это потому, что по самой своей сложности эти знания предполагают наличие других знаний, менее сложных, и что развитие человека требует постепенности и никогда не совершается скачками»²¹. Опираясь на эти суждения, Салтыков подвергает резкой критике как повесть Фурмана (I, 343—344), так и «учебник» ле-Бассю, настаивая на «крайней бесполезности» и того и другого издания. «Книги такого рода, — говорится в рецензии об «учебнике» ле-Бассю, — тогда достигают своей цели и заслуживают похвалы, когда, с одной стороны, разрушают разные предубеждения, получаемые детьми от родителей или от нянек <сказки вянюшки Черепевой, — писалось в рецензии на «Русские сказки для детей» — «притон предрассудков самых закоренелых», а с другой, — содействуют развитию нравственного чувства и прояснению истинных понятий ребенка о мире и вещах» (см. также I, 351).

Детские писатели, — говорил Салтыков — рецензент Фурмана, — «решительно не хотят понять, эти добрые люди, что дети в своей, т. е. приличной степени их развития, сфере, точно так же взрослые, как и самые взрослые...» (I, 343). В рецензии же на «учебник» ле-Бассю автор последней вновь возвращается к этой мысли и, помня, что об этом уже сказано, ограничивается репликой: «...не должно забывать, что ребенок тот же человек, только маленький».

Отзыв на книгу ле-Бассю связан также и с появившейся через месяц рецензией Салтыкова на «Первоначального учителя». Критикуя сочинение ле-Бассю, рецензент отмечал, что «большая часть ходячих учебников нравственности наполнена исчислением обязанностей дитяти и преподаванием ему правил, которые весьма часто для него лишены всякого смысла, потому что или основание их ему непонятно, или приведены им основания ложные». Именно эти качества «конфетно-моральной литературы» обличал Салтыков в разборе «Первоначального учителя», еще раз возвращаясь к вопросу о «бесполезности» нравственных повестей: «Предмет всякой повести, — писал он, — явления мира совершенно недоступного для детского ума, потому что явления эти так сложны, что не могут быть понятны для этого только еще вполнину сформировавшегося существа» (I, 351).

«Нам кажется, — иронизировал рецензент книги «Благовоспитанное дитя», — что совершенно напрасно старалась г-жа ле-Бассю объяснить, „с каким поступком какие чувства должны быть неразлучны“, потому что чувство должно быть руководителем в известном поступке <...>; старание же ее определить *формы и выражения*, посредством которых *должно* изъяснять чувства — напоминает ни более ни менее, как *письмовники*, в которых помещалось тоже изъяснение всех чувств, только письменно» (ср. I, 336). Выступая против стремления «нравственной» литературы навязать ребенку или взрослому надуманную мораль, Салтыков, вероятно, помнивший еще очень живо «нравственные правила» и «назидательные повести» ле-Бассю, писал в «Первоначальном учителе» о бесполезности так называемых нравственных повестей, не учитывающих реальные причины поступков человека: «Сколько ни задавайте правил, как ни стегайте нравственность человека, действительность все-таки возьмет свое» (I, 351).

Знаменательно и характерно для Салтыкова, что рецензия на «ходячий учебник нравственности» кончается характеристикой несправедливого социального устройства человеческой жизни: «...наши общественные и частные отношения до того сложны, до того обусловлены разными *обязанностями*, что жизнь очень точно можно определить *исполнением обязанности* <ср.: в Главе> Салтыков писал, что вся жизнь его героя заключалась в «осуществлении какой-то идеи долга и обязанности». — I, 212). Человечество не раз останавливалось и с удивлением задавало себе вопрос: да на чем же основаны эти обязанности, которые оно исполняет с начала века? Ища этой основы, оно, как с ним всегда случается, построило множество систем, даже создало целую науку под названием сначала *практической философии*, а потом *нравственной философии*. И каждая система приводит свое основание...».

Анализ стилевых и языковых особенностей рецензии на «Благовоспитанное дитя» также подтверждает авторство Салтыкова.

Рецензия на «Альманах для детей. Архангельск», против принадлежности которой Салтыкову возражал С. А. Макашин, на наш взгляд, написана Салтыковым, так как, во-первых, в разборе «Путешествия вокруг света» приведено описание именно «Альманаха для детей. Архангельск»: «карманный», с «затейливым названием» (см. об этом выше). Во-вторых, разбор «Альманаха» по насмешливому тону и стилю повествования не противоречит предшествующим рецензиям, принадлежащим Салтыкову. В-третьих, Арсеньев располагал рукописью рецензии Салтыкова на «Альманах для детей», причем в критико-библиографических отделах «Современника» и «Отечественных записок» 1847—1848 гг. не содержится больше отзывов на детские альманахи, которые можно было бы приписать Салтыкову. То обстоятельство, что в данной рецензии Салтыков ограничился разбором только «достоинств» «Альманаха», объясняется тем, что он высказал свое мнение о бесполезности подобных изданий в предшествующих пяти рецензиях.

В мартовской книжке «Отечественных записок» 1848 г. (отд. VI, стр. 37—42) мы считаем бесспорно принадлежащей Салтыкову рецензию на брошюру: «Несколько слов о чтении романов». СПб. В тип. книжного магазина П. Крашенинникова и комп. 1847. В 12-ю д. л. 27 стр.

Принадлежность этой рецензии Салтыкову доказывается следующими фактами:

1. С середины 1847 г. до марта 1848 г. Салтыков, как было указано выше, поместил в «Отечественных записках» около двух десятков рецензий на детскую и учебно-педагогическую литературу. Наиболее систематическим становится его сотрудничество в журнале Краевского с конца 1847 г., после отхода от «Современника», продиктованного, по-видимому, резким отзывом Белинского о первой повести Салтыкова «Противоречия» и отказом Панаева поместить в «Современнике» вторую его повесть «Запутанное дело», опубликованную вскоре в «Отечественных записках»²².

Начиная с январского номера «Отечественных записок» и вплоть до апрельского номера, последнего вышедшего перед арестом Салтыкова, он рецензирует (за редким исключением) все детские издания, причем рецензии его связаны друг с другом как общностью проблематики, так и единством стиливых и языковых особенностей. Трудно предположить, чтобы на этот раз маленькую брошюрку в 27 страниц, перепечатку из «детского журнальца» А. О. Ишимовой «Звездочка», рецензировал кто-либо другой из сотрудников «Отечественных записок». Тем более, что суждения автора рассматриваемой рецензии обнаруживают много общего с оценками и взглядами Салтыкова, последователя Белинского, недавнего участника собраний Петрашевского. Передовая устремленность анонимного автора выражается уже в его восприятии (в русле критической школы Белинского) творчества Гомера, Шекспира, Гёте, Руссо, Жорж Санд, Евгения Сю, Вальтер Скотта, А. Лафонтена, Жанлис и др. Особенно высоко оценивал рецензент романы Санд и Сю, направляя внимание читателей именно на эти два имени: Санд и Сю, — писал он, — «обличают, они карают самые сокровенные преступления, самые незаметные недостатки <...> каждый труд их отдельно есть следствие какой-нибудь сильной мысли <...> Романы их приносят гораздо больше пользы, нежели сладенькие романы А. Лафонтена и г-жи Жанлис, хотя у этих пороков всегда наказан, а добродетель всегда вознаграждена». Подобный восторженный отзыв о французской литературе скорее всего мог принадлежать молодому Салтыкову, который, по собственным словам, «в то время только что оставил школьную скамью и, воспитанный на статьях Белинского, естественно, примкнул <...> к тому неизвестному кружку <имеется в виду кружок Петрашевского>, который инстинктивно прилепился <...> к Франции Сен-Симона, Кабе, Фурье, Луи Блана и в особенности Жорж Занда. Оттуда лилась на нас вера в человечество, отсюда воссияла нам уверенность, что „золотой век“ находится не позади, а впереди нас...» (XIV, 161). В позднейшем очерке «Имярек», автобиографическая подкладка которого очевидна, сатирик писал, вспоминая 1840-е годы: «В особенности его <Имярек> пленяла Жорж Занд в своих первых романах. Он зачитывался ими до упоения...» (XVI, 716). То обстоятельство, что анонимный рецензент относил Сю и Санд к «лучшим французским романистам», не делая между ними никакого различия, также подтверждает нашу мысль о принад-

лежности отзыва на брошюру «Несколько слов о чтении романов» Салтыкову, прошедшему идейную школу Петрашевского. И русские и западные утописты считали Сю своим единомышленником, а его романы — замечательным средством разоблачения аморального частнособственнического общества. Несомненно, что сочувственное отношение к Сю зародилось у Салтыкова в кружке Петрашевского, где изучались труды Фурье и его последователей, часто обращавшихся к «страшным картинам» Сю для иллюстрации своих теоретических положений. Много лет спустя, говоря о 1840-х годах, Салтыков вспомнил Э. Сю и опять поставил его имя рядом с Ж. Санд и В. Гюго: «Сю менее талантливый и теперь почти забытый», — писал Салтыков, — но он также обращался к тем инстинктам человеческой природы, которые представляют собой лучшее достояние человеческой природы» (XIV, 199).

2. Характеризуя творчество Ж. Санд и Э. Сю, рецензент восклицал, полемизируя с автором «Несколько слов...»: «А вам не нравится, что Занд и Сю выставляют общественные язвы во всем отвратительном их безобразии? Вы желали бы закрасить их, завесить тканью с блессточками? Вы хотите, чтоб люди закрывали глаза и затыкали себе уши? В романах вам надобен такой мир, какого нет в существенности?.. Вот это-то и ведет ко лжи и всяким противоречиям». Эта выдержка прямо открывает в анонимном рецензенте автора «Противоречий», который неустанно восставал против воспитания, «более наклонного к пустой мечтательности, нежели к трезвому взгляду на жизнь» (I, 91; см. приведенную нами выше цитату). В рецензиях, принадлежность которых Салтыкову бесспорна, он также неустанно обличал все неестественное, фальшивое, ложное (см., например, I, 352, 356).

3. Критикуя в этой связи автора брошюры, рекомендовавшего юношам книги, в которых скрыта жестокая правда жизни, рецензент требовал изображать жизнь «как она есть». Требование это также свидетельствует об авторстве Салтыкова — писателя «натуральной школы», считавшего подлинно художественными произведениями такие книги, где «всякое слово — истина, каждая черта взята из действительности» (I, 342). «...Все романы, — говорится в рецензии «Несколько слов...», — изображают страсти, увлечения разного рода — все, не исключая и тех, которые наш автор позволяет читать. Если Руссо и другие писатели изображали страсти, не разведенные водицей, а как они есть, — они исполнили все, чего можно требовать от романиста в изображении истины, потому что убавлять и разводить водой страсти значило бы лгать или писать только для усыпления читателей». Попутно следует заметить, что характерна для Салтыкова-петрашевца и самая лексика рецензии, например, постоянное употребление слова «страсти» (помимо собственного значения, в роли синонимов к словам — «чувства», «стремления», «наклонности»): в 1846—1847 гг. Салтыков-петрашвец изучал теорию «притяжения страстей» Фурье, перечитывал Консидерана, также развивавшего эту теорию своего учителя.

4. Взгляд рецензента «Несколько слов...» на общественную «пользу» литературы совпадает с высказыванием Салтыкова по этому же вопросу в принадлежащей ему (по словам Арсеньева) рецензии на «Рассказы детям из древнего мира» К. Ф. Беккера. «Человек, озаренный правилами добра и нравственности, — писал автор отзыва на «Несколько слов...», — не погибнет от чтения романов, а извлечет из них всю пользу, какую можно извлечь из чтения для ума, вкуса, эстетического чувства». Романы Вальтер Скотта доставляют большую пользу, по утверждению автора «Несколько слов...». «Польза бывает различная, — говорит рецензент, — полезна и чашка, из которой чай пьют, — но такой пользы романы не доставят. Они доставляют пользу отдаленными своими последствиями, как все произведения поэзии, образуя ум, вкус, язык, распространяя образованность вообще». Через месяц, рецензируя книгу Беккера, Салтыков раскрыл понятие общественной значимости литературы с позиций революционного просветительства: «В особенности же, — писал он, — для юношества полезно чтение Гомера, который представляет собою не только богатый источник для изучения древнегреческого мира, но полезен и в отношении к образованию в юноше эстетического чувства. В самом деле, нет более просветляющего, очищающего душу чувства, как то, которое ощущает человек при знакомстве с великим художественным произведением. Разумеется, осязательной, непосредственной пользы от этого

знакомства не может быть, но и смешно было бы под словом „польза“ разумеать исключительно один материальный, наглядный результат <ср. «полезна и чашка из которой чай пьют, — но такой пользы романы не доставят...»>. Разве не великая для человека польза в том, что художественное произведение приводит его к сознанию «собственных его сил, что оно вызывает их, возбуждает к деятельности...» (I, 353). В разбираемой рецензии постоянно встречаем при оценке реалистических произведений: «полезны», «приносят пользу», «доставляют пользу», что также весьма характерно для литературных суждений Салтыкова (ср. I, 342, 349, 350, 353).

5. На авторство Салтыкова указывает и то обстоятельство, что особенно возмущала рецензента брошюра попытка ее автора пропагандировать среди юношества чтение правоучительных повестей и романов. «Пошлое морализирование», «сухая безжизненная мораль», — постоянный объект резкой критики и язвительных насмешек Салтыкова (I, 336, 343, 349, 351, 352, 355). И в данной рецензии: говорил ли автор ее об индийских, китайских и греческих вымыслах или арабских сказках, критиковал ли Жанлис и Лафонтена или восторгался Санд и Сю, характеризовал ли всю французскую литературу или высказывался о поэзии вообще — везде слышен протестующий голос Салтыкова, который питал органическое отвращение к «фари-сейским поползновениям» правоучительной литературы: «И дело ли поэзии преподавать нравственность? Она должна поражать нас идеями в живых образах, а наше дело извлекать из этого полезные истины».

6. Отзыв на «Несколько слов...» помещен вслед за двумя рецензиями Салтыкова («Первоначальный учитель» и «Подарок детям на праздник»). Эта деталь является дополнительным аргументом в пользу авторства Салтыкова, так как изучение порядка расположения рецензий в библиографическом отделе «Отечественных записок» показывает, что большей частью рецензии одного автора со сходной тематикой помещались рядом. Так, известные рецензии Салтыкова, если их было несколько в одном номере, всегда печатались одна за другой (см. «Отеч. записки», 1848 № 1, отд. VI, стр. 42 — 52; № 2, отд. VI, стр. 127 — 129; № 3, отд. VI, стр. 34 — 37). Особенности языка и стиля всех трех рецензий («Первоначальный учитель», «Подарок детям» и «Несколько слов о чтении романов»), полемическая страстность тона, острота постановки вопросов, общность в самом выборе этих вопросов и решении их не оставляет сомнения, что все они принадлежат одному автору, то есть Салтыкову.

7. Вообще языку разбираемой рецензии присущи все особенности, типичные для ранних рецензий и повестей Салтыкова: частые обращения, восклицания, риторические вопросы, пристрастие к нескольким синонимичным определениям перед существительным («порочные, низкие, животные страсти» и др.), частое употребление существительных с уменьшительными суффиксами («книжечка», «журналец», «повестушки», «стишки» и др.), постпозитивный член — «то» и др.

8. Косвенным подтверждением авторства Салтыкова является сравнение данной рецензии с аналогичным (по задаче) разбором «Библиотеки для русского юношества», напечатанным в сентябрьской книжке «Отечественных записок» 1848 г., когда Салтыков давно уже был в Вятке. Салтыков ядовито высмеял автора брошюры «Несколько слов о чтении романов», предложившего русской молодежи читать только «Хрестоматию» Вине и некоторые главы из «Жиль Блаза» («остальные главы будут, вероятно, выдраны из книги», — насмешливо говорилось в рецензии): «Наш автор, не соображая, что хрестоматия составляется только для несовершеннолетних и больше для ознакомления с языком, нежели с писателями, рекомендует такую хрестоматию взрослым русским <...> Остается ему пожелать, чтобы за каждым из молодых наших людей ухаживала нянюшка или присматривал дядька». Гомер, Шекспир, Гёте, Руссо, Вальтер Скотт, Ж. Санд, Э. Сю — все передовые мировые писатели — вот что должен, по мнению Салтыкова, читать человек, претендующий на сколько-нибудь серьезное образование. Через несколько месяцев после ареста Салтыкова в этом же журнале какой-то анонимный рецензент писал, требуя от книг для молодого поколения «больше всего поучительности»: «Дант, Сервантес, Шекспир — в них образованное ухо по-

ражается необузданностью и цинизмом выражений»...«также решительно нельзя читать древних!» «...Романы воспламеняют ум и раздражают сердце», «басни выучены в детстве», поэтому — читайте «безвредные» «поучительные» истории, которые образуют «эстетически». И как достойный фиал этой реакционной болтовни, вывод в конце заметки: «Читайте, русские юноши, историко-критические обзоры г. Рюо, «читайте классиков в очищенном виде!» («Отеч. записки», 1848, № 9, отд. VI, стр. 32.— Н. Рюо — петербургский педагог, пытавшийся в 1848 г. выступить с публичными лекциями по истории литературы, но потерпевший фиаско из-за отсутствия публики и потому издавший их отдельной брошюрой).

Все эти соображения позволяют заключить, что автором рецензии на «Несколько слов о чтении романов» был Салтыков.

* * *

Кроме названных выше рецензий, Салтыкову в «Отечественных записках» 1847 г. принадлежат, по нашему мнению, рецензии на I, II, V, VI, VII книжки «Новой библиотеки для воспитания», издаваемой П. Г. Редкиным²³. Разбирая «Рассказы детям из древнего мира» К. Ф. Беккера, Салтыков писал: «Мы уж несколько раз имели случай высказывать свои мысли насчет вреда, оказываемого на воспитание детей по преимуществу царствующим в нем спекулятивным элементом, и по поводу появления рассказов из „Одиссей“, в „Новой библиотеке для воспитания“, издаваемой г. Редкиным, говорили, по каким причинам считаем их несовместными с детским возрастом». В сноске Салтыков указал, что об этом шла речь в «Отечественных записках», 1847 г., т. LIV, август (I, 355). На самом деле августовский номер входил в т. LIII «Отечественных записок». Видимо, здесь или ошибка Салтыкова, или опечатка²⁴. Сопоставление разбора «Новой библиотеки» с рецензией Салтыкова на книгу Беккера показывает, что ссылка на августовскую книжку «Отечественных записок» в этой рецензии совершенно естественна и вызвана желанием напомнить читателю ранее высказанную мысль о древнегреческих поэмах, переделка которых превращает их в «довольно сухую сказку». К этому определению Салтыков возвращается и в рецензии на «Рассказы детям из древнего мира» Беккера. В отзыве на «Новую библиотеку» говорится: «Дитя не может понять прелести древних поэм, которые при простом изложении теряют свою поэтическую форму и обращаются в довольно сухую сказку». Ср. с рецензией на книгу Беккера: «В самом деле, составители подобного рода сочинений, чувствуя свое затруднительное положение, всегда бывают принуждены выпускать из рассказа то, что собственно составляет силу и характер поэмы <...>. Результатом всех этих общипываний великого произведения остается только бездушный остов, одна сказка...» (I, 355—356).

Из всего сказанного следует, что как отзыв на «Рассказы» Беккера, так и разбор VII книжки «Новой библиотеки» написаны Салтыковым.

В этом же разборе содержится указание на принадлежность Салтыкову всех остальных отзывов на «Новую библиотеку для воспитания»: «...аккуратно просматривая каждую книжку „Библиотеки“, в каждой находим одну или две статьи любопытные и полезные».

Кроме того, здесь же есть место, общее с одним из суждений в рецензии на V книжку «Библиотеки»: В «Библиотеке», «наряду, со статьями, составляющими материал для изучения, находятся, однако, и статьи, составляющие занимательное чтение, что доказывается признанием самих детей. Надобно ж им верить, потому что нет причины подозревать искренность детей». В рецензии на V книжку «Библиотеки» читаем: «Чтобы убедиться в несправедливости мнения г. Иванова <последний считал, что его переделка «Слова о полку Игореве» нравится детям.— Т. У.>, стоит спросить двух-трех детей, прочитавших его передачу „Слова“, понравилось ли им оно? Чему они в нем сочувствуют? Дети тем-то и прекрасны, что никогда не предпосылают своих воззрений, что они искренни, что они не научились еще уверять других чему сами не верят» («Отеч. записки», 1847, № 6, отд. VI, стр. 112).

Рецензия же на V книжку «Новой библиотеки» связана с разбором VI, автор которого пишет: «Первая статья этой <VI> книжки — „Послание Даниила Заточника к Георгию Долгорукому“. Мы должны о ней сказать то же, что сказали по поводу „Слова о полку Игореве“, рассказанного в предыдущей книжке „Библиотеки“: произведения древней нашей словесности не могут быть интересны тем читателям, для которых назначается „Библиотека для воспитания“» («Отеч. записки», 1847, № 7, отд. VI, стр. 55). Разбору «Слова о полку Игореве» в передаче г. Иванова, который оставил от древнего литературного памятника «одни лирические выходы», посвящена большая часть рецензии на V книжку. Высмеяв «передачу» «Слова» г. Ивановым, рецензент приходит к тому заключению, на которое ссылается в рецензии на VI книжку «Новой библиотеки»: «...уверять, что дети станут сочувствовать древним нашим памятникам, воля ваша, такое уверение объясняется только личным воззрением говорящего, который себя ставит на место детей, или, что еще хуже, детей ставит на свое место» («Отеч. записки», 1847, № 6, отд. VI, стр. 112). Ср. в разборе VI книжки «Библиотеки»: «Произведения древней нашей словесности — преждевременная для них <детей> пища; дети будут зевать, читая „Послание Даниила Заточника“» («Отеч. записки», 1847, № 7, отд. VI, стр. 55).

Из всего сказанного следует, что рецензии на V, VI и VII книжки «Новой библиотеки для воспитания» П. Г. Редкина принадлежат Салтыкову.

Принадлежность Салтыкову рецензии на I и II книжки «Новой библиотеки для воспитания» («Отеч. записки», 1847, № 2, отд. VI, стр. 115—116) доказывается на основании следующих фактов:

В разборах V и VII книжек «Библиотеки» содержатся указания, свидетельствующие, что все выпуски этого издания рецензировал один автор: «Каждая новая книжка „Библиотеки“ более и более показывает полезное направление этого издания» («Отеч. записки», 1847, № 6, отд. VI, стр. 111). «...Аккуратно просматривая каждую книжку „Библиотеки“, в каждой находим одну или две статьи, любопытные и полезные» (см. выше). Следовательно, если верно, что автором рецензий на V и VII книжки «Библиотеки» был Салтыков, то не менее справедливо, что он же разбирал и первые выпуски издания Редкина.

Дополнительным аргументом служит то обстоятельство, что рецензент I и II книжек «Библиотеки» подходит к оценке ее с критерием, типичным для литературных мнений Салтыкова, определявшего ценность рецензируемых книг степенью полезности их в деле ознакомления ребенка с окружающим его миром: «Несравненно полезнее узнать отчетливо одни главнейшие явления, чем принять многое на веру; богатство наших знаний заключается не в загадочных истинах, а в яснопознанных сведениях <...>. „Русская летопись для первоначального чтения“ г. Соловьева — простой, без всяких прибавок и рассуждений, пересказ Несторовой летописи на современном языке. Дело полезное: дети познакомятся с главнейшим древним источником нашей древней истории, прежде чем займутся историей и летописью как студенты или как ученые <...>. Представление чего-нибудь научного в форме романа или повести очень выгодно как соединение двоякой пользы» («Отеч. записки», 1847, № 2, отд. VI, стр. 115—116).

«Детство и юношество, — пишет автор рецензии на I и II книжки «Библиотеки», — требуют здоровой, питательной пищи» («Отеч. записки», 1847, № 2, отд. V, стр. 115). Ср. то же в рецензии на VI книжку, принадлежность которой Салтыкову установлена выше.

Таким образом, на основании всего сказанного можно с уверенностью заключить, что «Новую библиотеку для воспитания» рецензировал в «Отечественных записках» Салтыков.

Изучение критико-библиографического материала «Отечественных записок» после ареста Салтыкова подтверждает, что именно ему поручалась основная часть рецензентской работы в области детской и учебной литературы на протяжении всего 1847 г. и, особенно, первых месяцев 1848 г. После того, как Салтыков был арестован и

сослан в Вятку, разборы детских книг в «Отечественных записках» утратили свое большое принципиальное значение; серьезных же рецензий, своего рода «руководящих статей», сочетающих острую критику тогдашней воспитательно-педагогической системы с утверждением прогрессивных положительных идеалов, в течение полутора лет (1848—1849 гг.) не появилось ни одной. Последнее характерно не только для отзывов на детскую литературу, но вообще для всего библиографического отдела издания Краевского за 1848—1849 гг. Что касается детской литературы, то рецензирование ее стало поручаться людям случайным, мало отличающимся по своему интеллектуальному развитию от тех «книгоделателей», которых так едко вышучивал Салтыков. Если «изделия пестролитературной промышленности» были для Салтыкова только удобным поводом, чтобы высказаться о несправедливости общественного устройства, пороках существующей системы воспитания, о достоинствах социально-утопического романа и т. д., то после прекращения его сотрудничества в «Отечественных записках» рецензии на детские книги и учебники превратились в сентиментальные пересказы «конфетно-нравственных» (по определению Салтыкова) повестей. Например, «Князь Орфано-Орфано получил свое прозвание за особую заботу о птичках, которые кушают конопляное семечко <...> Удивительные приключения его развивают в читателе прекрасную потребность быть справедливым даже к животным» («Отеч. записки», 1848, № 7, отд. VI, стр. 39—40).

* * *

К середине 1847 г., помимо участия в «Отечественных записках», все ближайшие друзья Салтыкова²⁵ стали сотрудниками «Современника» Белинского и Некрасова.

Р. Р. Штраудман начал сотрудничать в «Современнике» (в отделе «Смесь») с января 1847 г.²⁶ В июньской книжке «Современника» были помещены две большие рецензии В. Н. Майкова на комедию П. Меншикова «Шутка» и «Путешествие в Черногорию» А. Попова. В августовском номере «Современника» напечатана статья В. А. Милютина «Мальтус и его противники». Появление в «Современнике» Салтыкова следует поставить в непосредственную связь с начавшимся сотрудничеством в этом журнале его друзей — Милютина, Майкова и Штраудмана.

В объявлении об издании «Современника» на 1848 г. редакция журнала поместила инициалы Салтыкова (М. С.) среди известных имен «ученых и литераторов», участвовавших «трудами своими» «в девяти донные вышедших книжках „Современника“» («Современник», 1847, № 10)²⁷. Это объявление косвенно свидетельствует о том, что объем сотрудничества Салтыкова в «Современнике» 1847 г. был шире, чем нам известно благодаря указаниям Арсеньева, который, располагая черновиками Салтыкова, назвал только три его рецензии, обнаруженные позднее в октябрьской книжке «Современника» 1847 г. на книги:

1. «География в эстампах». Соч. Ришона и Альфреда Вингольда. «Курс физической географии». Соч. Влад. Петровского.
2. «Руководство к первоначальному изучению всеобщей истории». Соч. Фолькера.
3. «Несколько слов о военном красноречии» П. Лебедева.

До настоящего времени этот список не подвергся никаким изменениям: касаясь сотрудничества Салтыкова в «Современнике» 1840-х годов, исследователи ограничивались лишь предположениями о более ранней дате начала его работы в журнале Белинского и Некрасова²⁸.

Внимательно изучив библиографический материал «Современника» 1847 г., мы пришли к заключению, что Салтыков действительно стал писать для «Современника» не осенью, а летом 1847 г., то есть вслед за появлением в журнале рецензий В. Н. Майкова и одновременно с публикацией статей В. А. Милютина. Тем самым подтверждается, как сказано нами выше, позднейшее признание Салтыкова, что журнальную работу в «Отечественных записках» и «Современнике» он доставал через Майкова и Милютина с 1847 г.

В августовской книжке журнала Салтыкову, на наш взгляд, принадлежит сводная рецензия на детские издания: «Новая библиотека для воспитания», издаваемая Петром Редкиным. Кн. V, VI и VII. «Есть ли где конец свету?» Соч. И. Данилевского и А. Оссовского. СПб., 1847. «Друг детей. Книга для первоначального чтения».

Почти в течение полувека эта рецензия ошибочно приписывалась Белинскому. На принадлежность ее последнему впервые указал И. Феоктистов, напечатав выдержки из данной рецензии в книге «Свод мнений Белинского о детской литературе» (СПб., 1898) и опубликовав ее целиком в сборнике «К вопросу о детском чтении» (изд. 2. СПб., 1907). Вслед за И. Феоктистовым А. Г. Фомин включил названную рецензию в «Педагогические сочинения Белинского» и в примечаниях к этому изданию привел следующие доказательства принадлежности ее критике: 1. В первых отзывах о «Библиотеке», он <Белинский> высказался против переделки для детей классических произведений древней литературы. То же самое повторяет Белинский и в настоящей рецензии. 2. В рецензии содержится указание, что о работе Соловьева критик говорил в предыдущей рецензии, последняя же несомненно принадлежит перу Белинского. 3. Высокая оценка Плутарха характерна для Белинского²⁹.

На основании этих данных В. С. Спиридонов включил рецензию на V, VI и VII книжки «Новой библиотеки», «Есть ли где конец свету?» и «Друг детей» в XII том Полного собрания сочинений Белинского (1926 г.). Однако при этом не была учтена дата выхода в свет рецензированных книг: все они были изданы после отъезда Белинского за границу (5 мая 1847 г.), и, следовательно, он не мог быть автором названной рецензии. Начиная с 7-й и по 10-ю книжку 1847 г., в «Современнике» вообще не напечатано ни одной статьи или заметки Белинского. Учитывая это обстоятельство, В. С. Спиридонов впоследствии отверг авторство Белинского, оставив открытым вопрос об имени анонимного рецензента V, VI и VII книжек «Новой библиотеки»³⁰.

Кто же мог заменить Белинского — постоянного рецензента «Новой библиотеки» Редкина? Естественно предположить, что Майков или Милютин указали редакции журнала на Салтыкова, который занимался рецензированием детской литературы, и в том числе «Новой библиотеки», в «Отечественных записках».

Изучение текста рецензии подтверждает наше предположение.

Прежде чем перейти к обоснованию принадлежности Салтыкову рецензии на V, VI и VII книжки «Новой библиотеки», следует остановиться на аргументации Фомина, приписавшего эту рецензию Белинскому. Доказательствам Фомина можно противопоставить аналогичные аргументы, свидетельствующие, однако, об авторстве не Белинского, а Салтыкова.

1. В рецензии на V, VI, VII книжки «Библиотеки» содержится указание, что автор ее раньше высказывался против переделки г. Ивановым для детей «Слова о полку Игореве» и «Послания Даниила Заточника». Во-первых, Салтыков мог учесть точку зрения Белинского на этот счет, во-вторых, сам он, разбирая V и VI книжки «Библиотеки», писал и о «Слове» в передаче Иванова (см. выше) и о «Послании Даниила Заточника». Ср. эти строки со строками в рецензии «Современника»: «Дети решительно не поймут „Послания“ ни в подлиннике, ни в переделке <...> Что за странная, неуместная заботливость и поспешность! Что же потеряют дети, ежели прочтут „Послание Даниила“ позднее и прочтут его в подлиннике? Нам кажется, что они от этого выиграют» («Современник», 1847, № 8, отд. III, стр. 107).

2. Одобрительный отзыв о статье Соловьева «Русская летопись для первоначального чтения» характерен и для Белинского и для Салтыкова.

3. Для Белинского, — говорит А. Г. Фомин, — типична высокая оценка Плутарха. В рассматриваемой рецензии «Современника» читаем: «Нам жаль, что до сих пор мы не встречаем в детской библиотеке ни одного плутархова жизнеописания. Плутарх — настоящая детская книга» (стр. 106). Салтыков также видел в «Жизнеописаниях» Плутарха лучшее детское чтение: «...там всякое слово — истина, каждая черта взята из действительности» (I, 342).

Помимо этого, в рецензии «Современника» на V, VI, VII книжки «Новой библиотеки» содержится ряд других моментов, подтверждающих предположение об авторстве Салтыкова.

Прежде всего анонимный рецензент «Современника» обнаруживает детальное знание всех книжек «Новой библиотеки» 1847 г. Причем критические оценки той или иной статьи «Библиотеки» совпадают с отзывами о них Салтыкова в «Отечественных записках». Выше было указано на сходство суждений о переделках «Слова» и «Послания Даниила Заточника», о статье Соловьева «Русская летопись для первоначального чтения» и «Жизнеописаниях» Плутарха. Следует отметить также, что характеристика переделок (для детей) древнегреческих произведений в рецензии «Современника» совпадает с определением их Салтыковым в рецензии на VII книжку «Библиотеки» в «Отечественных записках». В рецензии «Современника»: «Из прекрасного греческого мифа о Язоне и золотом руне вышла довольно бестолковая и вдобавок предлинная сказка» (стр. 106). В рецензии Салтыкова: после переделки древнегреческих произведений они «обращаются в довольно сухую сказку». И анонимный рецензент и Салтыков подчеркивали, что, если уж переводить классиков, то следует переводить их «без всяких урезываний и укорачиваний». «Рассказ Геродота простотою и наивною своею в высшей степени способен завлечь детей <...> Однако жаль — это все-таки сокращение и переделка. Зачем же налагать руки на старика? Пускай бы он явился в своем настоящем виде. Несравненно было бы лучше взять одну из книг Геродота и перевести ее целиком <...>, делая пояснения и замечания на места темные...» («Современник», 1847, № 8, отд. III, стр. 108). Оценивая «Рассказы детям из древнего мира» К. Ф. Беккера, Салтыков неоднократно указывал: «...для того, чтобы изучение Гомера могло принести юноше ожидаемый результат, нужно читать Гомера не в переделке, не в приуроченном к известной цели переводе, а в самом подлиннике или переводе подстрочном, в котором тщательно были бы сохранены все особенности, весь характер поэмы» (I, 354; см. также 355, 357, 359).

Необходимо отметить также, что и общая оценка издания П. Г. Редкина анонимным рецензентом «Современника» совпадает с точкой зрения Салтыкова. «В детской библиотеке, повторяем опять, — говорится в рецензии «Современника», — видим мы издание в высшей степени полезное и дельное» (стр. 109). Рецензируя VII книжку «Библиотеки», Салтыков писал: «Должны признаться также, что многие статьи ее <речь идет об оценке всех книг «Библиотеки» 1847 г. — Т. У.> и полезны и занимательны для детей».

Анонимный рецензент «Современника» выдвигает перед детской литературой то же требование, о котором неоднократно говорил Салтыков, подчеркивая, что детские книги должны прежде всего знакомить ребенка с окружающим его физическим миром: «Ребенку несравненно интереснее прочесть, отчего идет дождь, мешающий ему бегать по двору, нежели узнать, в каком костюме ходили римляне. Расскажите ему о бабочке, за которую он гоняется по лугу, о лошади, которая возит его в школу, о старом верном друге Барбосе, который стережет дом и в благодарность принимает побои. <...> Говорите с ребенком почаще о вещах ему близких; расскажите ему, как строят дома, как пекут хлеб, который он каждый день ест, как делают стул, на котором он сидит. Он этого ничего не знает» (стр. 107; ср. I, 339, 351).

Характерен для Салтыкова и тот упрек в отрешенности от насущных вопросов действительности, который бросил своему поколению рецензент «Современника»: «Наш общий недостаток, — указывал он, — мы все глядим куда-то вдаль и не видим, что у нас под носом делается» (стр. 108). «Никаких, решительно никаких положительных знаний мы не имели, — писал Салтыков в автобиографической повести «Бруси́н», — и потому поневоле должны были пробавляться общими местами и бесплодной силлогистикой. Многие, например, из нас отчетливо могли себе представить будущность человечества, а не видели, что делается у них под руками...» (I, 293). В черновой рукописи «Брусина» (1847): вместо «под руками» — «под носом», как и в рассматриваемой рецензии на «Библиотеку»³¹.

Показательно также почти дословное совпадение отдельных выражений в рецензии «Современника» и разборах Салтыкова. Рецензент «Современника» пишет: «...Станем, по крайней мере, давать нашим детям пищу поздоровее той, какую нас кормили». «**Не** бойтесь знакомить детей с древними целиком, без всяких урезываний и укорачиваний. Это самая здоровая, самая питательная пища их молодому уму» (стр. 107—108). Ср. у Салтыкова та же метафора: «детство и юношество требуют здоровой питательной пищи» («Отеч. записки», 1847, № 2, отд. VI, стр. 115; см. также: № 7, отд. VI, стр. 55).

Кроме того, самый стиль рецензента «Современника», постоянно впадавшего в ту полунасмешливую патетику, которая отличает манеру Салтыкова, также свидетельствует об авторстве последнего. Для подтверждения сказанного приведем несколько строк из рецензии «Современника»: «Можно себе представить, какое приятное впечатление произведут на ребенка первые строки послания <речь идет о «Послании Даниила Заточника».—Т. У.: „Вострубим, братцы, как в златокованные трубы в разум ума своего“. О бедные дети! Мало трубят им в уши! А тут еще какой-то неведомый им смышленый Даниил тоже начинает трубить, да еще в разум ума своего. Тут поневоле преждевременно оглохнешь <...> Еще ужаснее — похождения Энея. „Энеида“ Вергилия, сладенькое произведение придворного поэта, и в подлиннике не очень занимательна, а тут еще предлагают ее в переделке, да еще и детям! Как для них поучительно описание страсти Дидоны и ее самоубийство, вследствие отринутной любви! Как это им доступно! Сколько нравственных мыслей вызовет в них подобный рассказ!» (стр. 107—108).

Все приведенные соображения позволяют заключить, что сводная рецензия на V, VI, VII книжки «Новой библиотеки», «Есть ли где конец свету?» и «Друг детей» написана Салтыковым.

В сентябрьской книжке «Современника» (отд. III, стр. 33—34) Салтыкову принадлежит, на наш взгляд, рецензия на «Краткую историю средних веков в синхронистическом порядке с приложением синхронистической таблицы», составленную А—ром Аникиевым, преподавателем при обществе благородных девиц <...> СПб., 1847.

Мы не раз уже замечали, говоря о литературно-критической деятельности Салтыкова в «Отечественных записках», что он никогда не ограничивался перечнем недостатков или достоинств разбираемой книги, что в рецензиях его есть замечательная особенность: ослепительной искрой вспыхнет вдруг яркий образ, меткое сравнение, насмешливое описание, — и мгновенной вспышкой этой достаточно, чтобы угадать в анонимном рецензенте Салтыкова. Так и в названной заметке: несколько энергичных мазков — и готова целая картина: благородные девицы изучают «Краткую историю» Аникиева: «Что нужды, что от этой речи глаза слушательниц не разгораются от любопытства, что они не следят с судорожным вниманием за его рассказом! что нужды, что они, слушая повествование о разных народах, зевают или, долго покачивая сонной головкой, наконец заснут! Лишь бы достоинство кафедры не было скомпрометировано и не пострадала бы применением к детским понятиям важность науки, или лучше классической докторской мантии и академического парика...» (стр. 34). Ср. это описание с салтыковской характеристикой науки в рецензии на «Путешествие вокруг света» (стр. 436 настоящего тома).

«Из этой краткой истории средних веков, — говорится в начале рецензии, — видно, что автор ее, несмотря на то, что пишет для девиц, считает скуку и сухость изложения необходимыми принадлежностями науки. Полный этого схоластического величия, он не позволил себе унизить достоинства многодумной Клио, вложив в уста ее речь полезную и интересную для своих слушательниц; зачем ей говорить образами и рисовать картины минувшего быта? Истина должна быть проста, а простота, по его мнению, только тогда и есть, когда при факте остается собственное имя действующего лица и год события» («Современник», стр. 33). Здесь что ни строчка, то мысль, типичная для Салтыкова — рецензента учебной литературы. География, от которой осталась одна «голая номенклатура гор, городов, губерний и т. д.» (I, 334), история, превратившаяся в «афишку, на которой без разбора и системы напечатаны имена актеров» (I, 339), вообще вся тогдашняя «наука для детей», «су-

хая, исполненная праздных сентенций и голословных фактов» («Отеч. записки», 1848, № 1, отд. VI, стр. 43) — постоянные мишени насмешек Салтыкова.

Характерно для Салтыкова и требование, предъявляемое автором рецензии на «Краткую историю» к детскому учебнику: книги такого рода, говорится в рецензии, должны быть «полезны» и «интересны», должны «говорить образами и рисовать картины» («Современник», стр. 33). Об этом же писал Салтыков, рецензируя через месяц «Географию в эстампах»: авторы учебников должны «сделать свою науку занимательною и доступною для детей», настоящий детский учебник должен состоять из «живых, в разнообразной и драматической форме изложенных рассказов» (I, 334).

Со стороны внешнего оформления рецензия на «Краткую историю» представляет органическое слияние пафетики с иронией, типичное для раннего Салтыкова. Языковые особенности рецензии: анафоры, синтаксические параллелизмы (примеры см. в цитированных выдержках) служат дополнительным подтверждением принадлежности рецензии на «Краткую историю средних веков» Салтыкову.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ К. К. Арсеньев. Материалы для биографии М. Е. Салтыкова. — «Вестник Европы», 1890, № 1, стр. 326—327.

² С. А. Макашин. Салтыков-Щедрин. Биография, т. I. Изд. 2. М., 1951, стр. 257.

³ См. Дело канцелярии министра народного просвещения, ч. I. Начато 24 февраля 1848, конечно 24 сентября 1848 г. (ЦГИАЛ, ф. 772, оп. 4, ед. хр. 149225, ч. I, л. 369).

⁴ И. Т. Трофимов. М. Е. Салтыков-Щедрин о реализме русской литературы. Пособие для учителя. М., 1955, стр. 13, 18—19.

⁵ Б. В. Папковский. Натуральная школа Белинского и Салтыков. — «Ученые записки Ленингр. гос. пед. института им. А. И. Герцена». Кафедра русской литературы, т. 81, 1949, стр. 78—79.

⁶ Л. Ф. Пантелеев. Из воспоминаний прошлого. М. — Л., 1934, стр. 519.

⁷ «Отеч. записки», 1848, № 1, отд. VI, стр. 63—70.

⁸ Московский рецензент в большинстве случаев вел речь только о достоинствах или (очень редко) недостатках разбираемых изданий, никогда не отклоняясь в сторону, как делали это Майков и Салтыков, девирующие рецензентскую работу прежде всего за возможность высказаться по тому или иному волнующему их вопросу. См., например, рецензии: «Забавный зверинец» («Отеч. записки», 1848, № 4, отд. VI, стр. 132), «Исторические животные» (1847, № 3, отд. VI, стр. 42), «Всеобщая география» (1847, № 6, отд. VI, стр. 112—113) и др.

⁹ С. А. Макашин. Указ. соч., стр. 259.

¹⁰ Кроме названных выше рецензий, мы считаем принадлежащими Салтыкову еще следующие краткие библиографические заметки на книги: «Первоначальное чтение». СПб., 1847; «Петербургский сборник для детей», изданный В. Петровым и М. М. СПб., 1847 («Отеч. записки», 1847, № 6, отд. VI, стр. 123—125); «Краткая русская азбука или Букварь» и «Курс скорописи и практического правописания» В. Поговцева («Отеч. записки», 1847, № 7, отд. VI, стр. 54); «Детский птичник и зверинец, или Описание любопытнейших птиц и зверей». СПб., 1848; «Вечер в пансионе». Повесть для детей. СПб., 1848; «Друг молодых людей, или Повесть для юношества». Соч. Дессента. СПб., 1848 («Отеч. записки», 1848, № 2, отд. VI, стр. 127—129).

В высшей степени вероятно принадлежность Салтыкову рецензий «Назидательные примеры юношам», соч. Ф. Борзиловской. Новгород, 1848; «Повести для маленьких детей». СПб., 1848; «Радуга». Детский альбом художественный и литературный. СПб., 1848; «Кранное яичко 1848 года». СПб., 1848 («Отеч. записки», 1848, № 5, отд. VI, стр. 55—59).

¹¹ Заноса названную тему в свой дневник («Запас общепользовного»), Петрашевский сопровождает ее припиской: «См. сочинения о воспитании. Пред написанием или развитием этого плана должно написать или по крайней мере ознакомиться с сочинениями о воспитании и, если можно, то сделать практические опыты о способах психологического развития мышления» («Дело петрашевцев», т. I. М. — Л., 1937, стр. 554).

¹² Консидеран. Привлекательное воспитание, посвященное матерям семейств, — третья часть «Destinée sociale». Именно эту книгу брал Салтыков у Петрашевского и В. Р. Зотова (XVIII, 40—41).

¹³ «Дело петрашевцев», т. I, стр. 82.

¹⁴ Ш. Фурье. Избранные сочинения, т. II. М., 1939, стр. 166, 180.

¹⁵ Там же, стр. 164, 165, 183.

¹⁶ Б. В. Папковский. Указ. статья, стр. 78—79.

¹⁷ В цитированном высказывании говорится о «декартовском периоде», «периоде сомнения во всем, что вошло в восприимчивую голову ребенка незаконным путем „внушения“». В отзыве на «Русские сказки», изданные К. Авдеевой, который, по нашему

мнению, бесспорно принадлежит Салтыкову, речь идет также о «внутреннем декартовском периоде», о «декартовской переделке» и встречается словосочетание: «восприимчивая голова ребенка».

¹⁸ Определяя свое отношение к «изделиям пестролитературной промышленности», Салтыков почти всегда писал о детских книжках не иначе, как сопровождая их ироническим определением «так называемые» (см. I, 334, 349, 351 и др.).

¹⁹ Строки в разборе «Путешествия вокруг света» насчет того, что «мы тогда же имели случай заметить („Отеч. записки“, 1841 г., ноябрь) особенную методу, употребляемую г. Студитским при преподавании географии, состоящую в том, чтоб дети не занимались механическим заучиванием одной номенклатуры науки..., следует рассматривать как обычный для редакции «Отеч. записок» литературный прием объединения критического материала своего журнала, независимо от имени рецензента.

Кроме того, в 1841 г. детскую литературу в «Отечественных записках», и в том числе книги Студитского, рецензировал Белинский (Белинский, т. IV, стр. 470—471).

И главное. Нападки на «механическое заучивание одной номенклатуры науки» типичны для Салтыкова (см., например, I, 334, 339).

²⁰ А. А. Краевский, отвечая на запрос Петербургского цензурного комитета, заинтересовавшегося — в числе других лиц — именем автора статьи о «Русских сказках», указал на сотрудника «Отечественных записок» П. Цейдлера (см. «Дело о доставлении в канцелярию г. министра народного просвещения сведений для сообщения в III Отделение об авторах статей, напечатанных в 1 и 3 №№ „Отеч. записок“ и в № 1 „Современника“ за 1848 год». — ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 1, № 1985. — Сообщено В. Н. Баскаковым). Однако статья о «Русских сказках» не могла принадлежать Цейдлеру, особенности рецензентской манеры которого заключались в пересказе содержания разбираемой книги, неумеренном цитировании и мелочном объяснении приведенных выдержек. Стиль и язык очень посредственных заметок Цейдлера коренным образом отличаются от рецензии на «Русские сказки», резко выделяющейся не только богатством и глубиной содержания, но и мастерством литературного оформления со всеми специфическими особенностями его, присущими критическим опытам Салтыкова (ср. рецензии Цейдлера: «Статистические очерки России». Соч. К. Арсеньева; «Слово в неделю Сыропустную»; «О молитве Манассии»; Сборник газеты «Кавказ»; «Атлас Музеума имп. Вольного экономического общества»; «Журнал общего собрания гг. акционеров царскосельской железной дороги». — «Отеч. записки», 1848, № 4, отд. VI, стр. 64—79; «Военно-медицинский журнал». — «Отеч. записки», 1848, № 5, отд. VI, стр. 36—41 и др. О принадлежности названных рецензий Цейдлеру — см. ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 1, № 1986. — Сообщено В. Н. Баскаковым).

²¹ Ср. конспект книги Кабаниса «Rapports du physique et du moral de l'homme» («Соотношение физического и морального в человеке»), над которым Салтыков работал, по-видимому, в 1846—1847 гг. (Н. В. Яковлев. Записи чтения М. Е. Салтыкова в 40-х годах. — «Известия АН СССР», Отд. общественных наук, 1937, № 4, стр. 868).

²² О причинах отхода Салтыкова от редакции «Современника» подробнее см.: С. А. Макашин. Указ. соч., стр. 259, 267.

²³ На принадлежность Салтыкову рецензий на «Новую библиотеку для воспитания» указывал хотя и без аргументации еще Р. В. Иванов-Разумник («Салтыков-Щедрин». М., 1930, стр. 62) и вслед за ним Б. В. Папковский (в указ. статье, стр. 78). Рецензия на I и II кн.: «Новой библиотеки» помещена в «Отеч. записках», 1847, № 2, отд. VI, стр. 115—116; на V кн. — № 6, отд. VI, стр. 111—112; на VI кн. — № 7, отд. VI, стр. 54—55; на VII кн. — № 8, отд. VI, стр. 116—117. Отзывы на III, IV, VIII, IX кн. «Новой библи.» состоят только из перечня входящих в «Библиотеку» статей.

²⁴ Опечатки в нумерации томов — явление обычное не только в подстрочном примечании: даже на титульном листе L тома «Отечественных записок» напечатано LI.

²⁵ Под ближайшими друзьями Салтыкова мы разумеем В. Н. Майкова, В. А. Милютину и Р. Р. Штрاندмана, которые в начале 1847 г. перестали посещать собрания Петрашевского и организовали свой собственный небольшой кружок. Основой для сближения Салтыкова, Майкова, Милютину и Штрандмана послужила определенная общность идейных интересов и литературная работа. См. об этом подробнее: С. А. Макашин. Указ. соч., стр. 213—215.

²⁶ А. В. Никитенко, говоря о своей редакторской деятельности в «Современнике», упоминал об участии в журнале Штрандмана в дневниковой записи от 31 января 1847 г. (А. В. Никитенко. Дневник, Гослитиздат, 1955, т. I, стр. 301).

²⁷ О расшифровке инициалов «М. С.» — см.: С. А. Макашин. Указ. соч., стр. 259, 534.

²⁸ В. Е. Евгеньев-Максимов. Новые материалы о сотрудничестве М. Е. Салтыкова-Щедрина в «Современнике». — «Лит. наследство», т. 13-14, 1934, стр. 57; С. А. Макашин. Указ. соч., стр. 258—259 и др.

²⁹ «Педагогические сочинения Белинского». Под ред. А. Г. Фомина. СПб., 1912, стр. 216—219, 249—250.

³⁰ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. XIII. Л., 1948, стр. IV.

³¹ ИРЛИ, ф. 366, оп. 1, № 10.

ШЕСТЬ РЕЦЕНЗИЙ САЛТЫКОВА

В «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСКАХ» 1847—1848 гг.

〈1〉

Робинзон Крузе. Роман для детей. Сочинение Кампе. Перевод с немецкого В. Межевича. *Издание второе.* В двух частях. С.-Петербург. В тип. императорской Академии наук. 1846. В 8-ю д. л. XII, 224 и 248 стр.

История России в рассказах для детей. Сочинение Александры Ишимовой. *Издание третье,* исправленное и пополненное. В 3-х частях. С.-Петербург. В тип. военно-учебных заведений. 1847. В 8-ю д. л. 379, 369 и 425 стр.

Альманах для девиц первого и второго возраста. Переделан с французского П. В—им. С 12-ю картинками. С.-Петербург. В тип. К. Жернакова. 1847. В 16-ю д. л. VIII и 152 стр.

Мысли и повести, посвященные юношеству. Сочинение М. Корсини. С.-Петербург. В тип. III Отделения собственной е. и. в. канцелярии. 1846. В 8-ю д. л. 325 стр.

Русская азбука для детей, составленная С. С тремя политипажками и 176 буквами, наклеенными на толстую бумагу, в коробочке из тонкой папки. С.-Петербург. В тип. Фишера. 1846. В 16-ю д. л. V и 52 стр.

Детская корзиночка. Разноцветные сцены (?) из жизни милых малюток. С 12-ю иллюстрированными картинками. С.-Петербург. В тип. Фишера. 1847. В 32-ю д. л. 112 стр.

Рождественский сочельник и страстная суббота, конечно, отмечаются красными чернилами или затейливыми виньетками в дневниках составителей детских книжек. Изготовив подарок милым детям для елки или светлого праздника, можно помириться с жизнью, забыть все горести и лишения, начиная от неприятностей по службе до тяжелого одиночества преклонных лет. Столько улыбок, милых ласок, восторгов, игривой беготни, хлопанья бескорыстными ручонками наделать на свете!.. Все, что только есть на земле самого чистого, самого невинного — все это живет вами, произносит ваше имя, нянчит вашу книжку почти целый день!.. Ваше сочинение чуть не едят вместе с конфетами, пряниками и красными яйцами..

Но, увы! Проходят праздники, и вместе с ними кончаются успехи детских книжек в малолетней публике. Родители или наставники, отыскав поучительное сочинение где-нибудь под куклой или будничной курткой, — под страхом наказания обязуют невинных малюток приступить к чтению и изучению его, и тут-то на место улыбок и чествований являются кислые гримасы и всякие поношения..

Такова участь большей части детских книжек; но здесь, как и везде, к счастью, есть исключения, и исключение самое утешительное, более других «вызывающее на размышление» — это Робинзон Крузе.

Факт, буквально беспримерный в летописях литературы: сочинение, написанное почти полтора столетия назад, до сих пор занимает первое место в детской библиотеке! Правда, Даниель Фоз писал «Робинзона» не для детей, но его скоро переделали для этой цели, и уже Жан-Жак Руссо говорил: «Эта книга будет первая, которую прочтет мой Эмиль; долгое время в ней будет заключаться вся его библиотека, и навсегда в его библиотеке она займет важное место». Руссо не ошибся: каждый воспитатель и в наше время повторит его отзыв о «Робинзоне».

В чем же секрет такой живучести совершенно простого вымысла, этого незатейливого рассказа о приключениях человека, выброшенного бурей на необитаемый остров и принужденного удовлетворять единственно своими силами самые первые физические потребности?..

Эфемерность *правоучительных* детских книжек ясно доказывает, что тайна этой живучести заключается не в моральных лоскутках, вклеенных в вековой книжке без всякой необходимости и часто совсем некстати. Напротив, при каждой новой переделке «Робинзона», он более и более

очищается от этих лоскутков. Мы даже думаем, что, отбросив их совершенно, он сделался бы еще привлекательнее, еще полезнее...

«Как? что такое? что вы сказали?» — заговорит всякая маменька, решившая сделать из своего ребенка «прекрасного человека». — Не думаете ли вы, что детям не надо внушать с ранних лет, какими они должны быть, когда выйдут на свою волю?..»

Мы именно так думаем, и вот почему: ребенок, как бы остер и понятлив ни был, не может усвоить себе нравственного правила до тех пор, пока не разгадает собственным опытом многосложного устройства той общественной жизни, в которой понадобятся ему эти правила; только в этой среде, только *на деле* может он их постигнуть, и постигает быстро и ясно, если в детстве приучили ум его работать быстро и правильно и не засаривали головы его разными будто бы полезными мыслями, в которых часто не совсем убежден и тот, кто их предлагает устно или печатно. Мало того, самое лучшее *внушенное*, т. е. заученное, но несознанное, нравственное правило становится сущим злом для человека, когда ум его начнет работать свободно и потребует отчета в каждом слове, в каждом движении души. А такая пора, такой *внутренний декартовский период* был у каждого из нас и бывает рано или поздно в жизни каждого человека.

В этот период сомнения во всем, что вошло в восприимчивую голову ребенка незаконным путем «внушения», решается нравственная участь человека. Гордый, благородно-самонадеянный ум юноши становится лицом к лицу с своим прошедшим, и невозможно уже вмешаться в эту борьбу ни маменьке, ни наставнику. Выходит победителем только тот, чей ум заранее был приготовлен к этой битве строго-логическим воспитанием, приучен видеть вещи так, как они суть, а не как бы должны быть по системе педагога, — одним словом, чей ум развивали в детстве, а не пеленали нравственными правилами.

Развить способности, приучить ум действовать быстро, ловко, свободно — вот единственная цель воспитания, и с этой-то целью вполне сообразен «Робинзон Крузе».

Основная идея его есть анализ самых простых, самых удобопонятных для детей потребностей человека. Ребенок, читая его, невольно задумывается о предметах самых близких, самых знакомых, открывает как бы новый мир вокруг себя и таким образом приучается думать обо всем *на-сущном*, приучается жить и мыслить в одно время. Другой работы для молодого ума, более легкой и, следовательно, более приятной, не придумает никакой затейник.

Что касается собственно до второго издания «Робинзона», переведенного г. Межевичем с немецкой переделки почтенного детского писателя Иоганна Кампе, то его можно хвалить, покупать и дарить детям во всякое время года только для того, чтоб переводчик мог скорее приступить к третьему изданию, в котором картинки, вероятно, будут лучше, а нравов-учений, может быть, совсем не будет!

«История России в рассказах для детей» тоже выходит из круга элементарных детских книжек. Конечно, занимать детей историческими событиями, фактами общественной жизни — не значит говорить с ними о предметах, доступных их разумению. Но г-жа Ишимова владеет особым искусством низводить исторические события на степень явлений, близких младенческому уму, и облекать рассказ об этих событиях в формы самые обольстительные для детского воображения. Популярность и грациозность ее пера истинно-неподражаемы.

Например, как бы рассказали вы ребенку первый период русской истории, как бы рассказали вы ему что-нибудь о характере славян? «Они были так честны, что в обещаниях своих, вместо клятв, говорили только:

«АЛЬМАНАХЪ ДЛЯ ДЕВИЦЪ ПЕРВОГО
И ВТОРОГО ВОЗРАСТА». СПБ., 1847

Шмуцитул

„если я не сдержу моего слова, то да будет мне стыдно“, — скажете вы? Но ведь ребенок не поймет этого, потому что не испытал на деле важности обещания. Дайте же ему книгу г-жи Ишимовой, и он прочтет с удовольствием две страницы о характере славян, видя, что на третьей странице идут стихи; а прочтет стихи — и познакомится с *«Песнью над гробом славян-победителей»* Жуковского. И такой отрывок не один; в *«Истории России»* г-жа Ишимова поместила все лучшие патриотические места стихотворений Жуковского, Языкова, Батюшкова и других русских писателей.

А вот, например, как начинает она рассказ о междоусобице:

«Так называется в истории нашей это несчастное время, когда русские не имели государя, по всей справедливости называемого *отцом народа*, и потому испытывали всю горесть сиротства и беззащитности! Только те из вас, милые читатели мои, которых зовут *сиротками* и которых некому ни приласкать, ни защитить, ни остановить от дурных поступков, ни похвалить за добрые, могут иметь некоторое понятие о том, что чувствовали предки наши во время междоусобицы. Оно продолжалось три года и заключало в себе столько бедствий, что я не знаю с чего начать рассказ мой!»

Объяснить детям необходимость власти в обществе, решить для них основной вопрос государственного права — вот какая задача предстояла сочинительнице, и вы видите, как неподражаемо исполнила она ее при помощи искусного сближения общественной жизни с частною. — Мило, мило, тысячу раз мило!!!

Одна мысль щемит нам сердце и мешает привести еще несколько цитат, свидетельствующих о достоинствах *«Истории России»* в рассказах для

детей»: как-то отзовется ребенку истинно *материнский* труд г-жи Ишимовой, когда наступит для него роковой декартовский период. Но до него еще далеко детям, и до тех пор «История России» будет прочитана и забыта ими. А она забудется непременно и должна забыться, ибо в ней вовсе нет *истории*; дети же, перестав быть детьми, захотят наконец узнать когда-нибудь историю своего отечества, и в этом случае их не удовлетворят уже розовые фразы...

Г. В — ий тоже очень хороший педагог. Вот что, между прочим, находится в «Альманахе для девиц». Анекдот из жизни Попа. Юлианский календарь. В руце лето. Аннушка-астроном. Затмение обеда. Эры и эпохи. Новые условия. Знаки зодиака. Два раза подарки в новый год. Чему учит гигиена. Гиджра. Эпакта и т. д.

Вас верно заинтересовало «Затмение обеда». Действительно хорошо и поучительно, и даст ребенку такой милый взгляд на науку... Но «Затмение обеда» никак нельзя отделить от «Аннушки-астронома», и потому предлагаем обе пьесы.

«На другой день, перед самым обедом, когда госпожа Вербина кончила свой класс рисованья со старшею дочерью, вдруг, смеясь, вбежала младшая.

Г-жа В е р б и н а. Кто тебя так рассмешил? Расскажи нам, отчего ты так весела?

К а т я. Ах, это очень смешно! Вообразите, сейчас, войдя в кухню, я вижу, что наш кот Васька утащил рыбку, жарившуюся на сковороде.

Г-жа В е р б и н а. Стало быть Аннушки там не было?

К а т я. Она и была и не была там.

Г-жа В е р б и н а. Как же это?

К а т я. Аннушка была просто на небе; углубилась в астрономию и чертила углем пребольшие круги перед плитой.

Г-жа В е р б и н а. Что же она хотела делать?

К а т я. Она, кажется, хотела узнать, отчего бывает затмение, — а Васька, между тем, произвел *рыбье затмение*: хорошо еще, что я вовремя подроспела (?).

Г-жа В е р б и н а. Ну и ты этому-то смеялась?

К а т я. Еще бы! Это ужасно смешно!

За обедом г-жа Вербина побранила Аннушку за ее *бесполезные занятия* и сказала ей, что впредь, для *избежания беспорядка*, она не позволит ей присутствовать при вечернем разговоре...

Во-первых — остро, во-вторых — мило, в-третьих — назидательно.

«Альманах для девиц» имеет одно неотъемлемое достоинство: характер безотчетной чепухи выдержан в нем с заглавного листка до последней страницы. Попробуйте же уловить основную мысль в «Мыслях и повестях, посвященных юношеству» г-жею Корсини!

Обращаясь в предисловии к своим «юным читателям», г-жа Корсини говорит: «Знаю, что сухое определение истины и фактов не занимательно для ваших юных умов, требующих во всем жизни и опущений...» и вслед за тем предлагает юным читателям следующие вопросы: «Можете ли вы определительно сказать, для чего вам дана жизнь? для чего у вас беспрдельная душа, подобие бога? Обращали ли вы когда-нибудь внимание на удивительную постепенность, которая царствует во всем творении божьем?» и т. п. !..

Правда, в ответах г-жи Корсини видны истинно женские ловкость и гибкость; но эти прекрасные качества заметны только для тех, кто догадается, как бы автор отвечал на свои вопросы не детям... Юные читатели, напротив, извлекут из посвященных им мыслей и повестей разве такое заключение: г-жа Корсини, скажут они, должна быть очень добра и ласкова, только она все говорит про такое...

Что же касается до «Детской корзиночки», то единственная особенность ее состоит в заглавии. Бывали детские «альманахи», «подарки», «альбомы», «цветники», «букеты», «друзья», «прогулки», «зеркала»; но «корзиночки», кажется, не бывало. Впрочем, содержание ее так же пусто, написана она так же безграмотно, как и другие книжки, возникшие на том же основании. 12 литографированных картинок тоже ничем не уступают картинкам других детских книжек и даже имеют перед всеми важное преимущество: они выкрашены пестрыми красками и покрыты каким-то лаком.

Милые дети, жалкие дети! Как все вас любят, как заботятся о вас, а между тем горьких минут у вас гораздо больше, нежели у всякого взрослого!.. И догадываетесь ли вы, отчего вам так жутко на свете? Оттого, что вы не большие, оттого, что вы не понимаете, чего хотят от вас большие, не понимающие чего вам надо. Вместо того, чтобы *пособить* вам жить и развиваться собственною жизнью, из вас хотят сделать что-нибудь по вкусу известного взрослого человека, приправить, нафаршировать как жареного рябчика. Природа ваша противится этому обезличению; вам больно, когда вас ведут за уши, ставят на колени или сажают в такое место, где ничего не увидишь. И все это за *бесполезные занятия*, для *избежания беспорядка*; одним словом, для *вашей же пользы*!...

Ну, полноте, полноте, уймись ребятки! Все заживет! А пока читайте «Робинзона Крузе»; если же еще не умеете вы читать, то вот вам и «Азбука, составленная господином С.». В ней нет ничего особенного, но выучиться читать по ней можно.

⟨Отеч. записки, 1847, № 1, отд. VI, стр. 58—62.⟩

⟨2⟩

Новая библиотека для воспитания, издаваемая Петром Редкиным. Книжка VII. Москва. В университетской типографии. 1847. В 16-ю д. л. 190 стр.

Мы слышим совершенно различные мнения об этом издании. Одни столько же его хвалят, сколько другие им недовольны. Между тем, аккуратно просматривая каждую книжку «Библиотеки», в каждой находим одну или две статьи, любопытные и полезные. Так, например, и в седьмой книжке читатель с удовольствием прочтет «Похождения Энея» (сокращение «Энеиды», подобное сокращениям «Илиады» и «Одиссеи», помещенным в прежних годах), «Домашний быт древнего Рима» (очень интересное извлечение из Беккера), «Геродот и его повествования» (статья вторая) и «Бронзовый вебрь» (рассказ Андерсена). Здесь в четырех статьях «и приятность и польза», как обыкновенно говорится: материалы и для приобретения познаний, и для занимательного чтения. Нам кажется, два противоположные мнения можно по возможности объяснить. Недовольные «Библиотекой» правы потому, что, по их мнению, содержание этого издания не совсем соответствует его цели: дитя не может оценить по достоинству такие статьи, каковы, например, «Домашний быт древнего Рима» и «Геродот и его повествования», не может понять прелести древних поэм, которые при простом изложении теряют свою поэтическую форму и обращаются в довольно сухую сказку. Те же, которые хвалят «Библиотеку», хвалят ее потому, что в ней, наряду со статьями, составляющими материал для изучения, находятся, однако, и статьи, составляющие занимательное чтение, что доказывается признанием самих детей. Надобно же им верить, потому что нет причины подозревать искренность детей. Разногласие толков произошло оттого, что издатель не объяснил удовлетворительно цели своего издания, плана, который он себе начертал, системы, которой будет держаться. Дети детям рознь: одни с удовольствием будут

читать то, от чего другие морщатся. Для многих воспитывающихся нужны и «Домашний быт древнего Рима» и прочие древности; для других еще преждевременна каждая древность. Признаем справедливость некоторых упреков, делаемых «Библиотеке для воспитания», но вместе с тем должны признаться также, что многие статьи ее и полезны и занимательны для детей.

⟨Отеч. записки⟩, 1847, № 8, отд. VI, стр. 116—117.⟩

⟨3⟩

Путешествие вокруг света. Южная Америка и Антильские острова. Издано Ф. Студитским. С 8-ю картинками и 3-мя политипажками. С.-Петербург. В тип. книжного магазина Крашенинникова и Комп. 1848. В 12-ю д. л. 157 стр.

Наконец, перед наступлением праздников и столь вожделенной для книгоделателей елки посыпались со всех сторон так называемые детские книжки — большие и маленькие, с картинками и без картинок, с простыми и затейливыми названиями, «карманные», т. е. с исключительными претензиями на ваш карман, и без этих неделикатных претензий... Приступаем к отчету о них.

Г-н Студитский известен уже публике своими трудами по части географии. В 1841 году он издал «Географию для детей», в прошлом — первую часть своего «Путешествия вокруг света», заключавшую в себе описание Южной Франции. Мы тогда же имели случай заметить («Отеч. записки», 1841 г., ноябрь) особенную методу, употребляемую г. Студитским при преподавании географии, состоящую в том, чтоб дети не занимались механическим заучиванием одной номенклатуры науки, что без всякой пользы обременяет их память, а старались понимать преподаваемое, привязывались к науке и собственным своим побуждением желали ее.

И донные существуют в мире люди, сильно заботящиеся о чистоте нравов вообще и чистоте наук в особенности, которые утверждают, что наука тогда только и остается наукою, когда сохраняет приличную ей важность и достоинство. А для соблюдения этого наука, по мнению их, должна быть, во-первых, суха, исполнена праздных сентенций или голословных фактов; во-вторых, она должна, как Домби-отец, сидеть на кафедре безукоризненно прямо, мертво и отнюдь не сметь пошевелинуть головой, на какой конец и устроен для нее особенный, сильно накрахмаленный галстух. В противном случае, — говорят эти искусно устроенные автоматы, носящие имя педагогов, — наука перестанет быть наукою и делается простым, неважным занятием, почти игрою... Игрою? В самом деле? У, как это страшно! Спасемте, спасемте, господа, скорее гибнущее достоинство науки! Употребимте все силы, чтоб дитя, учась чему-нибудь, действительно скучало, действительно ощущало, что оно учится, и век бы помнило, что такое приличная важность науки. Пусть его потеет, пусть его хиреет и чахнет, это бедное, еще недавно столь розовое и полное жизни создание! — пусть его! Зато на развалинах его воздвигнется гордо и самодовольно спасенное достоинство науки!

Весьма желательно, чтоб г. Студитский впредь шел по избранному им пути и удерживался от чересчур кудреватой речи, вроде следующей:

«Величественно и страшно море, когда грозит доверчивому мореходцу неизбежную гибелью. Оно прекрасно, когда расстилает перед нами бесконечную, прозрачную поверхность своих вод и слегка струится под безоблачным лазурным небом, которое как бы смотрится в светлых струях его; оно величественно-ужасно под мрачною тучею, появляющеюся на горизонте, когда грозно волнуется, подымая до облаков водяные

горы, которые, с ревом ниспадая в разверстые бездны, снова встают еще ужаснее и наконец в бессильной ярости сокрушаются о прибрежные скалы и осыпают нас жемчугом».

Подобная вычурность только вредит делу, которое само по себе весьма может быть полезно.

Да, сверх того, нам не нравится, что г. Студитский, явно переводя свои книжки с французского, ни слова не говорит об этом и как будто хочет намекнуть, что это не перевод, а его собственное произведение.

«Отеч. записки», 1848, № 1, отд. VI, стр. 42—43.»

⟨4⟩

Русские сказки для детей, рассказанные нянюшкою Авдотьёю Степановною Черепьевою, изданные К. Авдеевой. *Издание второе.* С.-Петербург. 1848. В тип. военно-учебных заведений. В 12-ю д. л. 72 стр. и 10 картинок.

Трудно рассказывать детям сказки лучше, нежели рассказывает их нянюшка Авдотья Степановна Черепьева; о достоинстве труда г-жи Авдеевой по изданию этих «Сказок» также говорить нечего: за что возьмется г-жа Авдеева, то делает она с полным сознанием своих сил и с совершенным знанием дела. Но второе, именно второе издание «Русских сказок для детей» заставляет нас высказать почтенной издательнице наше мнение

о влиянии, какое производят на ум ребенка вообще так называемые народные сказки.

Решить положительно, что нелепые вымыслы, несообразные с законами действительной жизни произведения досужей фантазии полезны или вредны для всевосприимчивой головы ребенка — невозможно. Для такого решения нужны доказательства, основанные на многочисленных фактах, на сравнении голов, вскормленных на сказках, и голов, не слыжавших этих сказок в детстве. А так как подобных фактов никто не собирал и подобных исследований никто не предпринимал, да и существование голов, не засыпавших под нянюшкины сказки, вообще сомнительно, то мы поневоле должны отклониться от прямого, положительного решения вопроса и начать дело с конца — с исследования источника тех странных и весьма ненормальных идей, которые так часто встречаются в головах, окончательно сформировавшихся, и происхождение которых нельзя объяснить законами логики.

Такие идеи не только слышишь от ближнего или подозреваешь в ближнем почти при каждом столкновении с ним, на каждом шагу; но человек мало-мальски сознательный, не сталкиваясь ни с кем, не делая шагу из своего кабинета, частехонько с душевным прискорбием уличает в них самого себя. И особенно рельефно высказываются они, эти идейки, в тот известный *декартовский* период развития человека, когда он, оставив школьную скамью и поперхнувшись при первом глотке из кубка действительности, начинает коситься на все прошлое вообще и на школьную скамью в особенности. Чего-чего не окажется при этой строжайшей ревизии! И неправда всякая, и упущения, и проволочка... одним словом, все испорчено, все надо переделать — надо, если можно, переродиться. Но, попав раз в житейское море, надо работать, по крайней мере барахтаться, чтоб не утонуть, и потому всего переделать некогда, переродиться нельзя, вознаградить упущенное тоже невозможно. Начинаются перестройки *домашними средствами*: кое-что, кое-как и кое-где, причем преимущественно обращается внимание на упущения, сделанные в последнее время, потому что они и непростительнее и живее в памяти. Но так как эти упущения большею частью произошли от упущений предшествовавших, которые в свою очередь также имели источник выше, и большею частью во времена, покрытые мраком бессознательности, около колыбели и нянюшек, то после *декартовской* переделки голова человека и получает фасад того построенного при Екатерине помещичьего дома, к которому разные наследники пристраивали с различных сторон разные клетки и каморы — по *усмотрению*... Эти перестройки, эта борьба человека с самим собою, с своим прошедшим, с своим в детстве *внушенным* образом мыслей — эта страшная, болезненная драма, мешающая человеку жить положительною жизнью, делается тем страшнее и болезненнее, чем лучше, чем сознательнее человек... И горе тому, кто не дожидется ее развязки, кто не вынесет этой борьбы до конца, кто не подведет здания под один общий фасад! Нравственное безобразие, безобразие в убеждениях, хуже физического безобразия; потому что при последнем неприкосновенна его личность, тогда как при первом, при закоренелостях в образе мыслей, эта личность невозможна: она превращается в личину, которую также нужно замазывать ежеминутно, чтоб не высказаться таким, каков есть; та же борьба с самим собою, но это уже не драма, а комедия...

Невольно рождается вопрос: как избавить ребенка от беды, которая постигла нас самих, которая мешает нам жить полною жизнью?..

Избавить его совершенно от этой беды, конечно, невозможно, потому что как бы мы ни старались о логичности его воспитания, об отстранении от его восприимчивой головы предрассудков и всяческих нелепостей, как бы тщательно ни разметали перед ним дороги к действительной, са-

мостоятельной жизни — он, как член нового поколения, которому суждено идти далее нас, будет видеть вещи яснее, нежели мы их видим в настоящую минуту, и, следовательно, борьба с самим собою, хотя и не такая изнурительная, какую мы выдерживаем — будет и для него: таков закон развития человечества.

Но, вследствие этого закона, каждое поколение должно выкупать цену страдания только тот шаг вперед, который оно само делает; борьба за то, за что уже боролось несколько предшествовавших поколений —

ЕСТЬ ЛИ ГДЕ КОНЕЦ СВЕТУ?

СОЧИНЕНИЕ

И. ДАНИЛЕВСКОГО И А. ОССОВСКОГО.

ПЕРВАЯ ТАТУЛЪННАЯ СТРАНИЦА ПЕРВОГО ИЗДАНІЯ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ЭКСПЕДИЦИИ ЗАПОВѢДАНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ЛУГАМЪ.

1847.

Где бы ни поблуждалъ человѣкъ, хоть и за тѣнью версты, видитъ Свѣтъ такой же, какъ и у насъ; земля всюду кажется широкою, полемъ, а небо, какъ хрустальный сводъ, стоитъ, кажется, на краяхъ земли, такъ, что нѣтъ облака, подчасъ, можно бы достать рукой. Есть и сказка въ притонѣ народа, будто бы на концѣ Свѣта, когда кончатъ Свѣтъ, то, для прощанья, расщепится его на облакахъ.

«ЕСТЬ ЛИ ГДЕ КОНЕЦ СВЕТУ?». СОЧИНЕНИЕ И. ДАНИЛЕВСКОГО И А. ОССОВСКОГО.
СПБ., 1847

Титульный лист и первая страница

незаконна. И обвинение в этой незаконности падает прямо на воспитателей, которые не умели передать наследникам свое собственное приобретение, которые воспитывали молодое поколение так же, как сами были воспитаны, не устранив из этого курса того, что такую болью отзывалось им самим — рассказывали своим детям те же сказки, на которых сами были вскормлены... Да, именно сказки, потому что в них притон предрассудков самых закоренелых и вместе самых благовидных, самых вкрадчивых — по наружности; потому что ребенок не способен различать сказочного мифа от действительности; потому, наконец, что сказки сделались обычаем, необходимостью, веками освященным обрядом в воспитании, и пестун, рассказывая ребенку сказку, не думает о том, какое заключение выведет для себя из приключений «Петушка — золотого гребешка» ловкий софист-слушатель и как отзовется ему впоследствии это убаюкивающее, наркотическое средство доброй словоохотливой Авдотьи Степановны...

Сообразите все это, почтенная издательница сказок *нянюшки Черепевой*, и вы, нежные родители, поставляющие нянюшкам ваших детей в достоинство — умение рассказывать сказки; а мы, со своей стороны, обещаемся в непродолжительном времени представить более точные и более осязательные доказательства в подтверждение высказанного здесь мнения о влиянии народных сказок на восприимчивые головы.

⟨«Отеч. записки», 1848, № 1, отд. VI, стр. 43—45.⟩

⟨5⟩

Благовоспитанное дитя, или Как должно вести себя. Соч. Жозефины ле-Бассю. С французского. *Издание второе*. С.-Петербург. В тип. Минист. госуд. имуществ. 1847. В 8-ю д. л. 158 стр.

«Благовоспитанное дитя» г-жи Жозефины ле-Бассю достигло у нас второго издания; следовательно, нашлись люди, которые убеждены в пользе системы воспитания сочинительницы этой книги. Книги такого рода тогда достигают своей цели и заслуживают похвалы, когда, с одной стороны, разрушают разные предрассудки, получаемые детьми от родителей или от нянек, а с другой, — содействуют развитию нравственного чувства и прояснению истинных понятий ребенка о мире и вещах. Между тем, большая часть ходячих учебников нравственности наполнена исчислением обязанностей дитяти и преподаванием ему правил, которые весьма часто для него лишены всякого смысла, потому что или основание их ему непонятно, или приведены им основания ложные.

Главное стремление существующих учебников нравственности состоит в том, чтобы заставить детей любить бога, родителей, близких, высших, низших, равных и т. д., и показать, как должно им вести себя в отношении лиц их окружающих. Нам кажется, что полезно было бы издавать книги в поучение самим родителям и наставникам, как снискать любовь ребенка, внушить ему к себе доверие, послушание и уважение, а отнюдь не *приказывать* ему питать к ним эти чувства. Внушите привязанность ребенку, и он будет поступать с вами гораздо лучше, нежели как это предписано в учебниках; ему самому на каждом шагу представится случай выразить в тысячу раз милее и наивнее свое чувство, тогда как он даже вовсе и не подозревает того, что выражает. Только такая привязанность дитяти и может льстить родителям и всем, кто его окружает.

Г-жа ле-Бассю разделила свою книжку на семь глав: первая заключает в себе обязанности *священные*, к богу, вторая — семейные: о любви к родителям, о братских чувствах, третья — обязанности в отношении к высшим, четвертая — к равным, пятая — к низшим, шестая — обязанности домашние, седьмая — обязанности в отношении к обществу. Главы состоят из исчисления тех *добродетелей*, которые должны проявить дети во всех этих отношениях; приложены и назидательные повести на эти темы. В заключении выражено то, что имела в виду сочинительница:

«я указала вам, с каким *поступком* какие *чувства* должны быть неразлучны, определила *формы и выражения*, посредством которых должно изъяснить их, и надеюсь, что говорила не напрасно» (стр. 154).

Нам кажется, что совершенно напрасно старалась г-жа ле-Бассю объяснить, «с каким *поступком* какие *чувства* должны быть неразлучны», потому что чувство должно быть руководителем в известном поступке; например, дитя дает милостыню нищему уже вследствие того, что ему жаль его или хочется ему помочь; старание же ее определить *формы и выражения*, посредством которых должно изъяснять чувства — напоми-

нает ни более ни менее, как *письмовники*, в которых помещалось тоже изъяснение всех чувств, только письменно.

Сверх того, самые предписания г-жи ле-Бассю до крайности бесполезны. Например, изложив сколь велики заботы родителей о *рождении* и воспитании дитяти, учебник предписывает:

«Заплатите же за всю их (родителей) нежность к вам (детям) живейшею благодарностью, всегдашним желанием угождать им, совершенным, беспрекословным повиновением их приказаниям. *Встречайте их с видом почтительным, говорите с ними ласково, но берегитесь, чтобы ваше дружеское обращение не переходило в вольность, не согласную с почтением, которое вы должны иметь к родителям*» (стр. 5).

Или:

«...Когда они (родители) озабочены или огорчены каким-нибудь несчастным случаем... *умно жайте* тогда ваши ласки, предупреждайте малейшее желание родителей, и будьте осторожны, чтобы не беспокоить их своею нежностью.. (стр. 6). Чувство любви к родителям, сродное сердцу каждого, может быть *оживлено* известными обстоятельствами, требующими особенного внимания, например: днем рождения, или первым днем года. В эти торжественные дни *изъявление детской покорности должно быть усерднее обыкновенного*... Если отдаленность жительства, или необходимость оставаться в училище, разлучает вас с ними, старайтесь вознаградить эту потерю исправною перепиской: пускай письмо за вас говорит о вашей привязанности, о всегдашней готовности исполнять их волю, которая для вашей же пользы разлучила вас с ними» (стр. 8).

Мы сказали, что эти предписания бесполезны, потому что лучшие из них исполняются не по внушению книжек г-жи ле-Бассю, а по внушению самого чувства детей; не должно забывать, что ребенок тот же человек, только маленький, и потому проявление в нем всего, что не происходит из его убеждения или чувства, поражает вас неприятно — например, когда ребенок выражает любовь родителям какими-нибудь предписанными обрядами, как сказано в приведенной выписке: «*Встречайте их с видом почтительным*»... Что такое этот почтительный вид? Не то ли, что ребенок должен встать со стула, если сидит — когда папенька входит в дверь. Да если такие отношения установлены между отцом и ребенком, наверное можно сказать, что такое дитя не *дружно* с родителями и на него не подействует книжка г-жи Бассю, купленная для него «на елку». Родители, понимающие натуру ребенка, не станут этого требовать, и тем более не будут «внушать любовь» к себе исчислением того, что они сделали для ребенка.

Посмотрим далее, какие понятия внушаются книжечкой, появившейся вторым изданием на русском языке: благовоспитанное дитя из нее узнает, что люди разделяются 1) на *родных* и *посторонних*, и во 2) на *высших*, *равных* и *низших*. Первый разряд первого отдела должен пользоваться наибольшою любовью дитяти, и книжечка уверяет малолетнего своего читателя, что люди этого отдела имеют особенное право на любовь, следовательно, иногда совершенно наперекор влечению ребенка; ребенок, в силу этого наставления, должен любить стороннего родственника более, нежели знакомого, который, может быть, для него гораздо интереснее и милее. Сверх того, нравственная книжечка научает ребенка, что есть люди *высшие*, *равные* и, что особенно занимательно, *низшие*. Надобно было уж кстати изложить, какими внешними признаками отличаются эти *низшие*. Нравственная книжечка уверяет малолетнего читателя, что не должно ничем гордиться, что все люди равны перед богом, что не должно судить о человеке по платью, и вместе с тем открывает, что 1) те, которые моложе его, 2) прислужники, 3) те, которые *беднее* его — называются *низшими*... На каком же основании? Хорошо будет дитя богатой

фамилии, если оно, принимая состояние родителей за масштаб в распознавании *высших* и *низших* и, кроме того, *равных* себе, будет обращаться с ними, имея в голове такую норму! А дитя бедных родителей? Да, если б оно достаточно рассудило по смыслу нравственной книжечки, оно должно было бы чувствовать постоянно свою *худость*, как выражались в старину, и унижаться перед всяким, кто лучше его одет. Все эти поучения о том, кого *должен* любить и уважать ребенок и *как* снискать к себе любовь и ласки друзей, не клонятся ли к тому, чтоб развить в нем притворство, склонность ко лжи и искательство?..

По счастью, в школах — в этой маленькой республике, составленной из членов, еще не посвященных в то, что составляет различие людей по их общественному положению, представляется пример совершенно противоположный: детский смысл всегда отличает аристократию ума, и целый класс невольно повинуется такому аристократу, помимо вопроса о предках и о состоянии родителей; там знают «глыбы грязи позлащенной» только по стиху Державина...

В деле воспитания не столь важно для ребенка познание всех его обязанностей, заученное из книги, сколько развитие и благородное направление его нравственного чувства, которое само укажет ему все его обязанности. Сверх того, совершенно бесполезно и для взрослых дробить обязанности их в отношении других людей — все вы будете строить плеоназмы на слова *любить*, *почитать*, *уважать* и пр., а между тем, не пересчитаете всех обязанностей: наши общественные и частные отношения до того сложны, до того обусловлены разными *обязанностями*, что жизнь очень точно можно определить *исполнением обязанностей*. Человечество не раз останавливалось и с удивлением задавало себе вопрос: да на чем же основаны эти обязанности, которые оно исполняет с начала века? Ища этой основы, оно, как с ним всегда случается, построило множество систем, даже создало целую науку под названием сначала *практической философии*, а потом *нравственной философии*, и каждая система приводит свое основание... Впрочем, не одни европейцы занимались этим делом: китайцы, оставив в стороне исследование об основании отношений людей между собою, занялись только исчислением приемов, как должны обращаться между собою люди, находясь в границах приличия и учтивости, и сообразно с их полом, возрастом, степенью родства с ними, их званием и чином и пр. Эта книга или философия общества у китайцев называется «десятью тысячами церемоний»... Тот и считается вполне благовоспитанным человеком в поднебесной империи, кто не только обходится учтиво с другими, но и знает наизусть «десять тысяч церемоний» и знает, с *каким поступком* *какие чувства* должны быть *неразлучны*, сверх того, помнит все определенные *формы* и *выражения*, *посредством которых должно изъяснять их*... Но едва ли это затверживание наизусть сентенций и правил приведет к развитию нравственного чувства.

〈«Отеч. записки», 1848, № 1, отд. VI, стр. 47—50.〉

〈6〉

Несколько слов о чтении романов. С.-Петербург. В тип. книжного магазина П. Крашенинникова и Комп. 1847. В 12-ю д. л. 27 стр.

Заглавный листок этой книжечки, напечатанной на *красной* бумаге, не говорит, кто автор такого удивительного произведения; но в самой книжечке находим обращения к «читателям Звездочки», детского журнальда, издаваемого в Петербурге уже несколько лет г-жею Ишимовою, и потому заключаем, что это статья, отпечатанная из «Звездочки». Но от-

«КРАТКАЯ ИСТОРИЯ СРЕДНИХ
ВЕКОВ», СОСТАВЛЕННАЯ АЛЕК-
САНДРОМ АНИКИЕВЫМ.

СПб., 1847

Обложка

дельно напечатанная книжечка обращается уже не к одним детям: она, необходимо, объявляет требование научать взрослых или, по крайней мере, возглашать им истины. Посмотрим же на нее пристальнее.

Автор говорит, что «желает доставить молодым читателям *сколько можно верное* понятие о том, что значит *роман* вообще, и тем более *роман нынешний*». Вот как он определяет его:

«Роман, собственно говоря, есть *рассказ вымышленных приключений*».

Видим тут ошибку против языка — и ничего не понимаем.

«Роман должен представлять жизнь человека со всеми ее сторонами, хорошими и дурными... но не всякий человек стоит того, чтобы жизнь его была представлена перед глазами других; на свете есть много таких людей и таких дел, о которых лучше бы было никогда не знать, особливо тому, кто еще молод. В молодости мы еще так мало знаем жизнь, что почти ни о чем не можем судить правильно».

В этих немногих строках такое богатство устарелых мнений, давно опровергнутых опытом и размышлением, что разве для самого автора надобно еще раз опровергать их. Где он узнал, что в романе надобно изображать жизнь со *всеми* ее сторонами и представлять *всякого* человека? В романе поэтически изображается событие, имеющее внутренний смысл, и для этого часто бывает не нужно многообразных подробностей. Тот имеет ложное понятие о романах, кто думает, что в них непременно надобно изображать весь омут жизни. Если само событие или идея, выражаемая поэтом, приводит к тому, что роман не чуждается никаких подробностей, но представляет все в отношении к главной идее, и от искусства, от

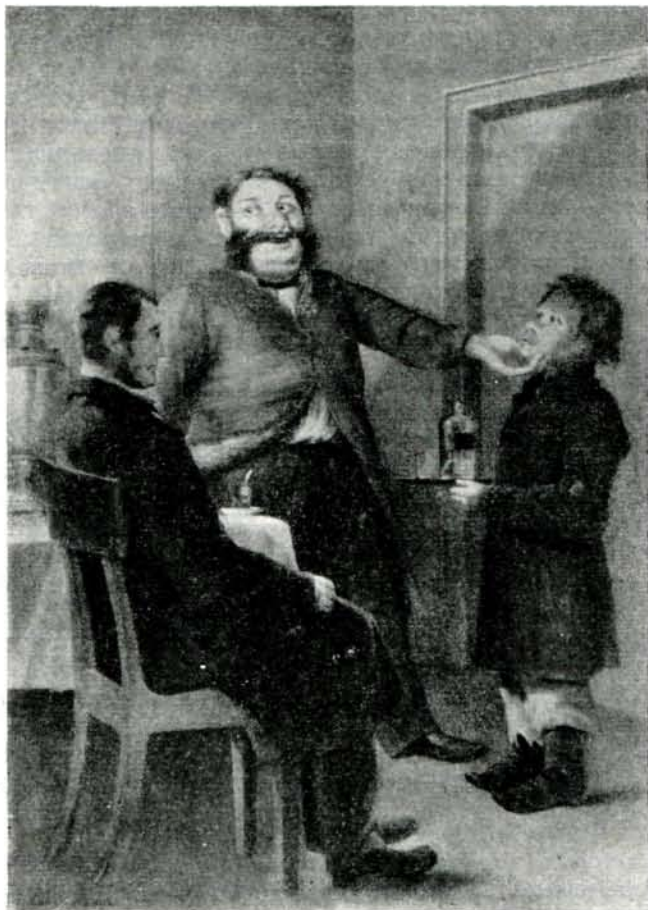
таланта зависит придать этому цвет и характер. Талант, конечно, не станет изображать черное белым и дурное красивым, но поставит их в такой перспективе, что в общности они произведут желаемое действие — разумеется, благое, а не злое, потому что изящное произведение не производит зла. Но он говорит, что в молодости мы ни о чем не можем судить правильно. Позвольте же спросить: до каких лет считаете вы этот возраст? Не до полустолетия ли, когда уже страсти потухнут и их нельзя увлечь ничем? Да и в пятьдесят лет разве не увлекаются страстями? Когда же позволите вы молодому человеку читать романы и судить о них, как судите сами? Или ему «не должно сметь свое суждение иметь» и до старости надобно ходить на помочах, не читать книг без совета бабушки или тетушки и верить им на слово?..

Выйдем из этого лабиринта смешных недоразумений и напомним автору, который берется научать других, что воспитание человека оканчивается вместе с юношеским возрастом, и кто получил воспитание в высочайшем смысле этого слова, чей ум и душа окрепли в чистой атмосфере просвещения и образованности, для того все порочные, низкие, животные страсти — не так опасны в двадцать лет, как опасны они для тридцатилетнего невежды или баловня. Человек, озаренный правилами добра и нравственности, не погибнет от чтения романов, а извлечет из них всю пользу, какую можно извлечь из чтения для ума, вкуса, эстетического чувства. Напротив, сорокалетний невежда, который только понаслышке знает о различии добра от зла, может сделаться еще хуже от самой нравственной книги, потому что не поймет ее, не станет читать, и от скуки скорее примется за чарочку или за сочинение какого-нибудь романа из своей жизни... Зачем же вы так боитесь за молодых людей и не хотите давать им романов? Бойтесь за невежд, а не за юношей вообще. Мы не даром спросили: до каких лет автор почитает человека столько молодым, что даже не позволяет ему взять книги без спроса у старших. Мы знаем, что для младенца необходима нянька, для отрока нужен дядька, для юноши наставник; но когда все эти блюстители его юности кончили свое дело, и молодой человек, положим, около двадцати лет, выступает сам на поприще жизни, неужели и тогда еще нельзя ему читать романов? Худо же рекомендуете вы его воспитание и воспитателей, если полагаете, что, пробив под бдительным надзором двадцать лет, он так и бросится на все обольщения порока! Да чему же вы учили и для чего воспитывали его? Мало ли опасного встретит он в свете; но чем вы оградили его от этого? Научили закрывать глаза и затыкать уши?.. Плохое просвещение!.. Здесь мы уже опять касаемся вопроса о пользе просвещения вообще, и должны опровергать тех людей, которые говорили Петру Великому: «Где нашим ребятам перенять заморскую мудрость!» В самом деле, жен и девиц запрем под замок, чтобы они не видали соблазна, а сынков станем женить пораньше, да удалим от книг и от общества, и такими средствами сохраним их добрыми...

Дошедши до таких выпяренных умствований, автор говорит: «Может быть, желание старших *научать* младших примерами подало повод к сочинению *первого романа*». Автор и не вспоминает, что сам назвал роман изображением жизни человека; следственно, роман так же стар, как человеческое общество, и первый романист был какой-нибудь рассказчик о том, «что он видал и к каким былям небылиц без счету прилагал!».

«Но для успешного действия этих примеров (продолжает автор), надобно было представлять всю прелесть добродетели и весь ужас порока так верно и реально, чтобы душа увлеклась к первой и отвращалась последнего. Так и делали *первые* из романистов и поэтов».

Кажется, автор сам решился сочинять здесь роман, т. е. *рассказ вымышленных приключений*, потому что в действительности было совсем не так, как он говорит. Самые древние, индийские, китайские, греческие вымыслы изображают не прелесть добродетели и ужас порока, а просто поэтические идеи, иногда в самых соблазнительных образах. Арабские сказки, больше похожие на наши романы, писаны также не с целью поучений.

«ОБМАНУТЫЙ ПОДПОРУЧИК». ИЛЛЮСТРАЦИЯ
К «ГУБЕРНСКИМ ОЧЕРКАМ» ЩЕДРИНА

Картина маслом Л. И. Соломаткина (по рисунку М. С. Башилова).
1860-е гг.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Романы средних веков приведут нашего автора в ужас. А что сказать о Боккаччо, об Ариосте, об испанских романистах?.. Но автор и не вспомнил о них, и в подтверждение своих слов ссылается на романы Вальтера Скотта! «Этот род романов есть самый полезный», — говорит он... Но почему же исторические романы, и вальтер-скоттовы в особенности, основаны не на вымысле, как говорит автор? Они точно также основаны на вымысле, как и современные романы, а иначе они не были бы и романами. Вальтер-скоттовы романы хороши не потому, что в них являются исторические времена и подробности, а потому, что в них все одушевлено поэтической истиной, которая имеет свои законы, вовсе не похожие на

законы истины летописной. Но автор позволяет, даже советует читать эти романы, в уверенности, что «кроме самого *приятного удовольствия*» (как будто бывает удовольствие неприятное!) «они доставят и большую пользу». Польза бывает различная: полезна и чашка, из которой чай пьют, — но такой пользы романы не доставят. Они доставляют пользу отдаленными своими последствиями, как все произведения поэзии, образуя ум, вкус, язык, распространяя образованность вообще. Но в таком смысле, почему же исторические романы полезнее других?

Но есть еще другой род романов, «вошедших в моду в последнее двадцатилетие», говорит автор и рассуждает о романах, основанных на изображении страстей, почитая основателем их Ж. Ж. Руссо. Здесь опять жестокая ошибка: все романы изображают страсти, увлечения разного рода — все, не исключая и тех, которые наш автор позволяет читать. Если Руссо и другие писатели изображали страсти, не разведенные водицей а как они есть — они исполнили все, чего можно требовать от романиста в изображении истины, потому что убавлять и разводить водой страсти значило бы лгать или писать только для усыпления читателей.

«Но читатели сожалели о несчастных жертвах страстей и пороков, они невольно позавидовали трогательному их положению; они перестали бояться походить на них».

Если были такие слабоумные, то они и без романов сделались бы такими же, потому что если не были они защищены от искушения воображаемых страстей, то как же устояли бы против страстей живых, беспрестанно встречаемых в свете и часто в увлекательных образах? Не так ли опасны и золото и женщины? Не так ли опасны и все предметы ежедневной жизни? Все может быть опасно для неразумного; но для этого нельзя же запретить или изгнать все и жить в диогеновой бочке. Человеку в общественной жизни невозможно оградиться умственно и нравственно китайской стеною.

Развив свою теорию, не основанную, как мы показали, ни на одном верном событии, автор принимает на себя самую смешную из всех обязанностей: проклинать романы и романистов!.. Это уже очень слабое средство истреблять зло, если оно точно существует. Потом, ссылаясь на какого-то Вольконселя, он начинает оценивать современных романистов, кажется, не читав ни одного из них — потому что говорит о них небылицы; приписывает им то, чего они не писали и, может быть, не думали. Вот образчик:

«Евгений Сю гораздо более других, однородных с ним писателей, приближается к Санду, не потому, чтобы он, как Санд, нападал на общество в самом основании его, но потому, что, вместе с Сандом, он *оправдывает* самоубийство и все *преступления*, какие к несчастью совершаются между людьми».

Спрашиваем здравый смысл всякого человека: не только Занд и Сю, люди высокие дарованием, но кто бы то ни было, даже сам преступник, станет ли *оправдывать все преступления*?

Не надобно ли сказать о Занде и Сю совершенно противоположного: они отличают, они карают самые сокроуенные преступления, самые незаметные недостатки? Не понимая романов в эстетическом значении их, автор понимает и нравоучение в том смысле, как оно передается людям первобытных обществ. Конечно, якуту, киргизу, краснокожему американцу надобно твердить: «Не пьянствуй, не воруй, не обманывай», но такие нравоучения не годятся при самом обыкновенном устройстве гражданском, где есть уже требования высшего разряда. Французы пишут прежде всего для французов. Каково было бы впечатление, если бы у них в палате говорил кто-нибудь как в обществе дикарей, стал советовать удаляться от соблазнов и пороков и повторять истины о необходимости честной и

смирной жизни? Французская книга та же ораторская кафедра. Как же вы хотите, чтоб в ней поучали тому, что и без книг знает всякий, то есть, чтоб повторяли в ней общие места, о которых говорят только младенцам? И дело ли поэзии преподавать нравственность? Она должна поражать нас идеями в живых образах, а наше дело извлекать из этого полезные истины. Так поучали Гомер, Шекспир, Гёте, все гении-поэты, и тем же путем, только сообразно своему веку и средствам, идут лучшие французские романисты. Жорж Занд и Сю глубоко поражены недостатками общественного быта во Франции, и оба они, оскорбляемые лживостью общепринятой морали, невольно высказывают это в своих произведениях; но каждый труд их отдельно есть следствие какой-нибудь сильной мысли, которая сама себе предмет. Романы их приносят гораздо больше пользы, нежели сладенькие романы А. Лафонтена и г-жи Жанли, хотя у этих пороков всегда наказан, а добродетель всегда вознаграждена. Посоветуйте лучше страшился таких романов, так же, как всех пошлых книг, а не произведений, озаглавленных дарованием. Пошлая книга может и читателя сделать пошлым, а у такого человека шатко все, и едва ли добродетель его не будет состоять из затверженных фраз. Вспомните, что французы бредили идиллиями и писали конфетные стишки, когда вспыхнула у них революция 1792 года. Вот куда ведет противоречие наружного с сущностью! А вам не нравится, что Занд и Сю выставляют общественные язвы во всем отвратительном их безобразии? Вы желали бы закрасить их, завесить тканью с блессточками? Вы хотите, чтоб люди закрывали глаза и затыкали себе уши? В романах вам надобен такой мир, какого нет в сущности?.. Вот это-то и ведет ко лжи и всяким противоречиям, и если роман, написанный по вашему рецепту, попадет в руки неопытному юноше и не усыпит его на первых страницах, он сделает его больше испорченным, нежели роман, изображающий порок в настоящем виде. Довольно ложного, обманчивого и без ваших ложных романов — а вы желаете еще больше усилить это жалкое состояние.

Автор наш сам называет лишением для молодых людей свой запрет им читать современные романы и вызывается вознаградить за это указанием на книги, которые «доставят им истинное наслаждение для ума и сердца и истинную пользу для собственного слога их». Для слога! Но о чем же мы говорим? Посмотрим, однако ж, какие это книги, которые доставят и слог и наслаждение для ума и сердца. Тут автор уклоняется сам, а выставляет вместо себя Вине, составителя «Хрестоматии»: пусть г. Вине выберет сам французские книги; он — составитель «Хрестоматии». Послушаем авторитета г. Вине... Но этот посредник вдруг говорит нам: «хорошее в литературе есть в то же время и истинное; ложное никогда не бывает классическим, и настоящая опасность заключается не столько в знании, сколько в ошибочном знании». Да не то ли самое отстаиваем мы против автора брошюры? Он сам признает красоты и много истинно-прекрасного в романах, которые осуждает за то, что они слишком живо, т. е. истинно, изображают мир с его страстями, увлечениями и действиями? Ему надобно то же, но изукрашенное, смягченное — иными словами: ложное и не существующее в мире! Избранный им судья, г. Вине, говорит, напротив: «хорошее есть в то же время истинное, а ложное не бывает классическим». Автор брошюры согласится, по крайней мере, что романы преследуемых им поэтов недурны, даже хороши и, следовательно, не так опасны, как он воображает. Тот же Вине говорит ему, что опасно не знание, а ошибочное знание — знание мало просвещенных людей, для которых, точно, все опасно.

Какие книги, по указанию своих советников, рекомендует автор для чтения? Прежде всего «Хрестоматию» Вине!.. Но для взрослого человека не достанет ее и на один день чтения. Что же еще? С разными исклю-

чениями Bossuet «Discours sur l'histoire universelle», Fénelon «Télémaque», Pascal «Provinciales...» Помилуйте! Юноша, или молодая девица, которым боитесь вы дать роман, станет читать «Телемака» и «Provinciales»! Да что поймут они в первом? Соблазны всякого рода, а не мораль, которую думал извлечь из них автор. Что поймут они в язвительной сатире Паскаля на иезуитов? Эти книги, классические у французов по разным отношениям, могут ли годиться нашим невинным юношам, которым боитесь вы дать роман потому именно, что они не поймут его как должно? Как же они поймут стародавние богословские споры янсенистов с иезуитами и полумифологический вымысел Фенелона?

Любопытно, как автор или его советники стараются отсекают и урезывать разные отделы книги, которыми хотят довольствоваться своих юношей! Они дают им, например, *Жильблэза* (беспутнейший из романов, если глядеть с их точки зрения), но позволяют читать в нем только: Gil Blas au lecteur. Livre I, chap. 1, 2, 8; livre II, chap. 1, 2, 3; livre VII, chap. 3, 4, 12; livre VIII, chap. 5, 6. Остальные главы будут, вероятно, выдраны из книги. Но к чему послужит отрывчатое, бестолковое чтение? Какую пользу можно извлечь из бессвязных отрывков и обрезков разных книг, писанных в разные столетия с разными целями и направлениями? Правда, Вине ясно говорит: «Список мой можно назвать большою хрестоматиею, где не достаёт только текста; и я считаю его только прибавлением или распространением той хрестоматии, которую я издал». Но наш автор, не соображая, что хрестоматии составляются только для несовершеннолетних и больше для ознакомления с языком, нежели с писателями, рекомендует такую хрестоматию взрослым русским! Он хочет, чтобы все его соотечественники читали только хрестоматию, не изучая литературы вообще, без чего не будет понятен ни Боссюэт, ни Фенелон, ни Паскаль, ни Лесаж. Остается ему пожелать, чтобы за каждым из молодых наших людей ухаживала нянюшка или присматривал дядька и напоминал бы ему на всяком шагу: «Не извольте трогать, обожжетесь; — не извольте кушать-с: это кисло; — не извольте слушать: это не для вас говорят»; не принимайте слов наших за шутку: автор в самом деле не желает, чтобы мы шли дальше хрестоматии. Он говорит, наконец:

«Представив в этом списке *все*, что литература французская имеет лучшего, достойного и приличного для читателей всякого возраста и пола, мы очень сожалеем, что не можем представить им такого же указания и в других литературах».

Нет, уж покорнейше благодарим: довольно и этого!

Мы распространились о ничтожной брошюрке не для нее собственно, но для тех, кто, не имея опытности в литературе, мог бы поверить ей на слово и даже увлечься ее софизмами. Может быть, есть и такие люди, которые разделяют выраженный в ней образ мыслей. Просим их сообразить наши возражения и смотреть на взрослых людей не как на ребят, которых надобно водить на помочах. Тогда они будут на истинной точке зрения.

⟨Отеч. записки. 1848, № 3, отд. VI, стр. 37—42.⟩